

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Евгений ЩЕПЕТНОВ

МОНАХ.
БОЛЬ ПОБЕДЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

Монах

Евгений Щепетнов
Монах. Боль победы

«Щепетнов Евгений»

2013

Щепетнов Е. В.

Монах. Боль победы / Е. В. Щепетнов — «Щепетнов Евгений»,
2013 — (Монах)

ISBN 978-5-9922-1629-5

Пройдено две страны, добыто могущество, каким обладал в этой стране только император, но нет покоя. Проблема за проблемой кружат голову, давят тяжестью решений, которые нужно принимать. Когда Андрей был на Земле, главное для него было – выжить. Выжить и тогда, когда он крался в «зеленке», каждую секунду ожидая выстрела, выжить, когда он был наемным убийцей, выжить, когда он спрятался от преследователей в отдаленном монастыре и стал монахом. Здесь, в этом мире, главным оказалось другое – уничтожить Зло, а уж потом выжить. И для этого Андрей готов не щадить ни себя, ни своих близких. Как на войне.

ISBN 978-5-9922-1629-5

© Щепетнов Е. В., 2013

© Щепетнов Евгений, 2013

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	31
Глава 4	45
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Евгений Щепетнов

Монах. Боль победы

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Глава 1

Громяхают колеса кареты по булыжной мостовой, лезут в голову всяческие мысли... Иные и хотел бы, да не отбросишь. Все ли идет так, как надо?

Пройдено две страны, добыто могущество, каким обладал только император, но нет покоя. Проблема за проблемой кружатся, как снежинки, и садятся на голову, на плечи, придавливая к земле тяжестью решений, которые нужно принимать. Когда Андрей был на Земле, главное для него было – выжить. Выжить и тогда, когда он крался в «зеленке», каждую секунду ожидая выстрела, выжить, когда он был наемным убийцей, выжить, когда он спрятался от преследователей в отдаленном монастыре и стал монахом. Здесь, в этом мире, главным оказалось другое – уничтожить Зло, а уж потом выжить. И для этого Андрей готов был не щадить ни себя, ни своих близких. Как на войне.

Впрочем – разве это была не война? Разве он теперь не был солдатом? Солдатом Света. Иногда он в этом сильно сомневался.

С тех пор как Андрей прибыл в этот мир, заброшенный прихотью неизвестной Сущности – он надеялся, что Бога, – бывший наемный убийца и бывший монах только и делал, что убивал. Убивал, убивал, убивал... он уже устал от убийств, от грязи, от переживаний за своих близких, но конца-краю этому конвейеру смерти не было. Вот и сейчас он ехал на завод, чтобы убедиться в том, что смертоносное оружие, которое он сделал достоянием этого мира, производится по графику, что все идет так, как он задумал.

Карета расплескивала лужи – начался сезон дождей, гарантирующий Балрону передышку перед гражданской войной. Во время сезона дождей, длившегося здесь полгода, и месяц после его окончания ожидать от противника военных действий не приходилось – только сумасшедший решился бы отправить многотысячную армию на штурм столицы, когда люди и лошади вязнут по колено в непролазной грязи. Так что у Андрея было время, чтобы подготовиться.

С того момента как было похоронено в морской пучине «тело императора» (драконица Шанти блестяще справилась с этой ролью), прошло уже три месяца. Долгий срок. Для Земли, где жизнь несется бурным потоком, захлестывающим человека и уносящим его в неведомые дали. Здесь – никто никуда не торопился. Андрею стоило большого труда заставить подчиненных работать так, как он хотел, – быстро, в срок, без задержек и расхолаживания. Приходилось использовать все методы, от кнута до пряника. Пряником, конечно, были деньги. Ну а кнут... кнут, бывало, применялся и не в фигуральном смысле.

Раньше на завод брали заключенных, но Андрей отменил эту практику – последний мятеж показал, что этой публике на режимном предприятии делать нечего. Если, конечно, не хочешь получить нож в спину во время очередного бунта. Теперь там работали только вольнонаемные – за хорошую по здешним меркам плату. Кроме того, для них было организовано питание и проживание – рядом со столицей Балрона Анкаррой фактически вырос новый город-спутник, его называли Оружейный город, по градообразующему предприятию.

При заводе организовали школу механиков, где обучали всех желающих работе на станках, а также с приборами и механизмами. Конечно же – после подписания контракта, где оговаривалось, что они не будут работать нигде больше, кроме как на оружейном заводе. Все шло хорошо. Если только забыть, что грядет огромная, страшная, кровопролитная война.

С юга угрожает спрятавшийся в своем поместье оборотень-бунтовщик Гортус, а в спину смотрит страна исчадий – Славия, ради освобождения которой, собственно, и был задуман весь этот план.

И это не все – где-то бродят старейшины драконов, наблюдающие за исполнением договора, по которому драконы не имеют права вмешиваться в жизнь людей. Опасные, могучие, живущие тысячи лет существа строят козни, и, как всегда бывает в этом мире, их слова и дого-

воры о невмешательстве в жизнь людей есть лишь красивые слова и пустые декларации. Самое главное – это интересы самих драконов, и ради этого они постоянно подправляют историю людей. Увы, как оказалось, никто не избавлен от лицемерия, ни человеческий род, ни драконий.

О том, что драконы, затерявшись в толпе, наблюдали за ходом похорон императора, Андрей узнал от Шанти, его подруги, сестрички, а в миру – молодой драконихи Шантаргон, игравшей роль покойного Зарта Четвертого, убитого при попытке изнасиловать любимую женщину Андрея – Антану. Она и убила его – им пришлось тайно бросить тело императора в океан, и драконица некоторое время изображала императора, якобы женившегося на Антане.

Все драконы имеют одну особенность – они могут принимать любой облик, от кошки до быка или синего кита, в пределах массы их тела. Драконья чешуя практически непробиваема для оружия Средневековья – не зря доспехи из драконьей чешуи стоят огромных денег, и носить их могут лишь императоры или очень богатые люди. И вот теперь эти могучие и практически неуязвимые существа стали врагами Андрея.

Он не сомневался, что вскорости ему придется встретиться со старейшинами драконов, и были небеспочвенные опасения, что встреча может закончиться смертью кого-то из них – или Андрея, или старейшин. Умирать он не собирался – дел по горло, какое там умирать? – так что следовало хорошенько подумать, как противостоять летящему на могучих крыльях многотонному огнету, бронированному непробиваемой чешуей и при этом обладающему мозгом, вмещающим мудрость десятков тысяч лет.

Впрочем, Андрей и сам был непрост – бывший спецназовец, бывший наемный убийца, бывший монах одной из северных обителей Земли, а теперь первоклассный воин и оборотень. За ним стояла мудрость земной цивилизации, ее знания, ее опыт. Мозг Андрея, усиленный мутацией оборотня, был теперь способен вспомнить все знания, которые когда-то, даже случайно, попали в его голову. И эта способность развивалась с каждым днем. Стоило лишь как следует напрячь мозговые извилины, и перед глазами появлялись страницы книг, журналов и газет, которые он когда-то прочитал, справочников, которые он листал...

Но – это все жизни ему не облегчало. Задача стояла мало сказать непростая – безумная! Искоренить Зло в мире, добиться справедливости – что может быть сумасброднее этого плана? Разве справедливость есть на свете? Андрей надеялся, что – да. Иначе зачем все было затевать? Кому затевать? Да Богу, конечно.

И сейчас воин-оборотень – и будущий император Балрона – был орудием Божьим. По крайней мере, надеялся, что это так и есть.

– И чего мы там будем смотреть? Зачем мы туда едем? – обратилась к Андрею спутница, устроившаяся напротив него на кожаном сиденье, обитом серебряными гвоздиками.

Это была симпатичная девушка лет семнадцати, невысокая, веснушчатая, с огненно-рыжими волосами, задорно задранной носиком и довольно приличной грудью, твердыми полупшариями торчащей вперед. Она скусающе покачивала ногой, которую до самого колена обвивали ремешки кожаной сандалии, и, морщась, смотрела в окно на отсыревшие стены домов, на серое небо, где ветер рвал клубы черных туч, на деревья, с которых летели вычурные листья, устилавшие булыжные мостовые. Люди пробегали под косыми струями дождя, поднимая воротники, пряча лицо от резкого, хлещущего мокрыми ладонями ветра, уносящего радость светлого дня из этого утра.

– Ты чего как воды в рот набрал? – продолжала приставать девушка. – Нечего сказать, что ли? Сидишь и тупо молчишь! А мне скучно! А ты меня тащишь на этот поганый завод, когда я могла бы сейчас лежать на кровати, размышлять о вечном, а еще играть с Антаной в «лис и зайцев»! Кстати, я все-таки играю лучше людей! Согласись, драконы умнее вас!

– Мне отвечать по пунктам? Или на всю твою ерунду чохом? – иронически скривил губы Андрей, тяжело вздохнув в очередной раз: с Шанти, когда пребывала в дурном настроении,

общаться было не то чтобы затруднительно – просто невозможно. Она ныла, она вредничала, проказила, и Андрей уже десять раз пожалел, что взял ее с собой. Он хотел ее развлечь, потому что драконица не выходила из дворца уже... и не вспомнить сколько времени. Чуть ли не с самых «похорон». Зарядили серые дожди, и она заявила, что драконы – нежные, разумные существа – в это время лежат по теплым и, главное, сухим пещерам и не шастают, как глупые люди, под струями холодной, льющейся с неба воды.

Все последнее время Шанти пребывала в облике человеческой девушки, создав свой образ сама, чем очень гордилась. Она до мелочей слепила тело девицы, перешептываясь с Антаной и надолго уединяясь с ней в спальне, где имелось огромное, в рост человека зеркало – одна из драгоценностей короны.

В один прекрасный день Шанти выпорхнула из спальни и предстала перед Андреем. Он долго откашливался, так что на его глазах выступили слезы. А потом потребовал, чтобы она прикрылась чем-нибудь – не дай боже кто-то увидит и решит, что они тут втроем с императрицей занимаются свальным грехом.

Однако для себя отметил, что девицу Шанти с Антаной слепили довольно соблазнительную. При этом новый облик отражал бесшабашный нрав драконицы. Зеленые глаза смотрели насмешливо и дерзко, будто их обладательница не боялась ничего на свете и не верила, что с ней может случиться что-то плохое.

Образ девушки был выбран не случайно. На похоронах императора Шанти увидела в толпе драконов, судя по всему – старейшин племени. Она почувствовала их удивление, возмущение, ярость – драконица была эмпатом, и могучим. Посовещавшись, решили: Шанти будет рядом с императрицей как ее охранница и подруга. А какой облик пристало принять императорской наперснице? Уж конечно, не черной кошки, в обличье которой Шанти пересекла две страны, сидя у Андрея на плече. Странно было бы, если б императрица играла в настольные игры с черной кошкой. Вряд ли бы придворные это оценили.

Вот так и стала жить во дворце Шанти, девушка из глубинки, дальняя родственница Антаны, ее фрейлина и подруга – по версии для придворных.

В свет Антана не выходила, штата фрейлин не набирала, сославшись на невозможность вести обычный для императриц образ жизни из-за беременности и связанного с этим недомогания. Это было враньем. Антана и сама являлась оборотнем, а они, как известно, обладают могучим здоровьем, так что ее беременность протекала вполне даже приятно и не тяжело.

Впрочем, после родов Антане все равно придется забыть о затворничестве, но женщина, как могла, оттягивала этот момент. Ну не любила дочь купца все эти балы, приемы и церемонии. За что бывала порицаема своим тайным мужем – Андреем.

Они решили подождать с оформлением своих отношений до родов – вот родит, а потом уже Андрей разведется с Олрой и женится на вдовствующей императрице, став принцем-консортом и регентом при будущем императоре Балрона.

Олра до сих пор его любила, но он ее – нет. Оставались еще какие-то дружеские чувства, однако прежняя страсть ушла. И Олра была сама виновата в этом, отвернувшись от Андрея тогда, когда он предложил ей все, что мог дать, – свою любовь, верность и саму жизнь.

Ничто не проходит бесследно. Остался плод их любви – Олра скоро должна была родить. Раньше, чем Антана. Ведь их с Олрой любовь случилась на несколько месяцев раньше...

Олре уже тяжело было выходить в свет, и, оставив свои политические и коммерческие дела, она сидела дома, ожидая схваток и справедливо полагая, что стоит ей отправиться к графине Суран или баронессе Амбуг с визитом, как она тут же родит где-нибудь в углу кареты. Такая перспектива ее не прельщала.

– Что, нельзя было подождать, когда дождь хоть ненадолго прекратится? – канючила Шанти, выпятив нижнюю губу, розовую и пухлую, совсем как настоящая. Если не знать, что за ней скрывается непробиваемый металлизированный хитин...

Андрей встряхнул головой, отгоняя желание ухватиться за розовую губу и завопить: «Ты замолчишь нафиг?!», побарабанил пальцами правой руки по сиденью и с надеждой спросил:

– Может, пообедать хочешь?

– Надеешься заткнуть мне пасть куском мяса? – усмехнулась Шанти. – Так ты же не дашь есть сырое! Чтобы по нему текла сукровица, такая сладкая, такая свежая! Вам, людям, обязательно надо обуглить эти куски, а потом, чавкая и клакая тупыми зубами, вы будете пытаться оторвать от них мелкие, как кот нагадил, кусочки!

– А может, в трактире кто-то подерется и ты выкинешь его в окно? – продолжил Андрей, не оставляя попыток чем-то заинтересовать капризулю.

– Щас прям! Они при тебе драться не будут! Знаю уже! Все будут тихие и нудные! Они же при виде тебя все обделываются, тебя каждая собака знает! А тем более что с нами целая армия дармоедов! Вон сидят, как вороны, на своих тощих, мерзких лошаденках и мечтают, чтобы тебя пронесло – как кара за то, что ты потащил их из теплых казарм под проливной дождь!

– О боже мой! Ну почему бы и тебе не быть тихой! – не выдержал Андрей. – Занудства-то в тебе хоть отбавляй! А вот тихой тебя можно сделать, только заткнув пасть тюком сена!

– Да-да, заткни мне пасть! – с надрывом, завывающим голосом подхватила драконица и, хитро усмехнувшись, добавила: – И чего, если заткнешь? Я все равно по мыслесвязи могу говорить! Голову-то мне не отрубишь! Впрочем, от тебя всего можно ожидать, – добавила она, подозрительно покосившись на злющего Андрея. – Ладно-ладно, не зыркай, как... оборотень на охоте. Молчу-молчу. Так чего мы там смотреть должны, на заводе?

– Средства для затыкания пасти особо говорливым драконам, – сварливо ответил Андрей, поглядывая в окно на нахохлившихся в седлах гвардейцев. От них и правда исходила такая волна тоски и недовольства, что он даже поежился – его, как мутной водой, окатило чувствами солдат. Быть эмпатом иногда вредно для здоровья.

– Это чего, куски мяса нас ждут, что ли? – переспросила, притворившись непонятливой, Шанти. – Так-то я не против хорошего куска мяса.

– Поздно. Я передумал тебя кормить, – прищурился Андрей. – Нет, это не мясо. Приедем – увидишь. Тем драконам, которые испытают на себе эту штуку, не поздоровится.

– Я себя чувствую предательницей рода, – вздохнула драконица. – Помогаю злейшему врагу драконов!

– Не был я никогда злейшим врагом драконов, ты же знаешь. И люблю тебя, мою строптивую и злобную сестренку, нежной любовью. Это оружие против плохих драконов, тех, которые хотят вечно манипулировать людьми и которые, кстати, сами нарушили договор, вмешиваясь в дела людей. А кроме того, они скоро, уверен, пожелают лишить меня твоего общества, а еще – самой жизни. А я как-то привык к тебе, да и хочется пожить подольше и посмотреть – что там за горизонтом.

Шанти помолчала и удрученно ответила:

– Прости. Я и вправду что-то не очень хорошо себя веду. И ничего не могу с собой поделать! У меня такое сильное раздражение на этот дождь, на грязь, на отсутствие солнечного света, на эти тучи... и на скуку. Пытаюсь себя сдерживать – и не могу. Я не хотела тебя обидеть. Я тоже тебя люблю, братец. Ты и вправду стал мне родным, так же как мама, например. И плевать на этих драконов – что поделаешь, если они такие идиоты! Будем учить их вести себя правильно. Мы обязательно победим, уверена. Мы не можем не победить!

– Надеюсь, – согласно прикрыл глаза Андрей. – Ну все, пошли? Приехали. Возьми вот зонтик. Платье намочишь, а ты его сегодня первый раз надеда. Кстати, оно тебе к лицу, зеленый шелк к зеленым глазам – очень красиво.

– Правда? – улыбнулась довольная Шанти. – А я думала, ты не заметил...

– Женщины, женщины... – пробормотал Андрей и толкнул дверцу остановившегося экипажа.

Лесенка уже была откинута, он сошел на мощный камень двор завода и подал руку драконице, легко спорхнувшей со ступенек. Над ней с хлопком раскрылся зонтик, и крупные капли дождя отбили свой вечный танец, наполняя пространство ровным гулом.

– Иди сюда! – Шанти властно и заботливо потянула Андрея за рукав под кожаное сооружение, украшенное золотой росписью. – Промокнешь! Я понимаю, что ты мужчина, самец и бла-бла-бла, но ведь неприятно, когда льется за шиворот.

Андрей усмехнулся, и они, скрываясь под большущим зонтом, направились к двум мужчинам, стоявшим под навесом. Те что-то яростно обсуждали и не сразу заметили советника императрицы и его спутницу. Только когда Андрей был в двух шагах от спорщиков, они обернулись и нестройно поприветствовали вельможу, синхронно поклонившись ему чуть ли не в пояс.

– Ладно-ладно! Без церемоний! – досадливо махнул рукой Андрей. – О чем спор? Вы, кажется, готовы друг другу глаза выцарапать!

– Вчера отдал заказ в третий цех, – начал объяснять директор завода Энар, – но вот он, Акур, отказался делать! Говорит, дождусь господина Андрея, ему расскажу, как лучше, и мы будем делать по-другому!

– А что у нас третий цех делает? – осведомился Андрей, задумчиво глядя на бледного, но решительно настроенного парня лет двадцати.

– Самое главное! Пушки! Вернее – не делает. Отказался делать, пока с вами не поговорит! И мне не стал ничего рассказывать, чего он там придумал!

Андрей нахмурился – пушки были нужны в первую очередь. Нападут драконы – и хана заводу. Одна надежда, что эти древние существа раскачиваются так же неспешно, как и живут: пока надумают, пока определятся, как наказать супостатов, пока спланируют само нападение... А к тому времени они уже подготовятся.

– Вот я и хотел ему морду набить! – горячился Энар. – А он все равно настаивает, говорит – хоть убей, а я буду ждать господина Андрея! И рассказывать, кроме него, никому ничего не стану, потому что это тайна великая... Даже мне, сволочь такая! У-у-у! Если бы ты не был моим братом – убил бы тебя, гадина!

– А не молод он для начальника цеха? – небрежно поинтересовался Андрей, вглядываясь в серые глаза парня, вызывающе задравшего свой курносый нос.

– Хм... нет, – смутился Энар. Он был ненамного старше Акура. – Вообще-то котелок у него хорошо варит. Отец всегда говорил, что этот демонов племянник превзойдет его самого. Инженер от Бога. И работу он налаживает на загляденье. Я ему твержу, что надо сделать так, как сказал господин советник, а уж когда время останется, тогда уже делать то, что он придумал! А он ни в какую!

– Да чего же он придумал-то?! – не выдержал Андрей. – Пошли в контору, там расскажете! Нет у меня времени загадки разгадывать. И вообще нет времени на пустые разговоры! Если идея не понравится, будете делать так, как я сказал. Понял, Акур?

– Само собой. Но я уверен, вам понравится, – солидно кивнул тот и слегка вразвалочку пошел вперед. Оглянулся на рабочих, стоящих неподалеку, и неожиданно зычно для его субтильной фигуры крикнул: – А чего тут толчемся?! Ну-ка по местам! Точить! Сверлить! Работать! Иначе оштрафую!

Рабочие рассосались в мгновение ока. Андрей же усмехнулся – экономический рычаг иногда действеннее любых репрессий. Жрать захочешь – будешь делать то, что скажут.

Они прошли в пахнущий железом, огнем, разгоряченными телами рабочих цех, встретивший их гулом ударов парового молота и визгом пилы по металлу, и поднялись на второй этаж. Акур, повернув ключ в замке, толкнул одну из дверей и пропустил всех в кабинет, посредине которого стояли длинные столы, заваленные чертежами.

Подождав, когда все войдут, парень выглянул в коридор и, плотно прикрыв дверь, снова запер ее на ключ, под слегка насмешливыми взглядами двоюродного брата и советника, стоявшего рядом с красивой девушкой, почему-то смотрящей на него как удав на лягушку. Будучи небольшого роста, она тем не менее держалась так, будто все вокруг должны пасть ниц и лобызать ей сандалию, выглядывающую из-под зеленого, переливающегося в свете нескольких ламп платья. Впрочем, Акур тут же забыл о прекрасной незнакомке – его снедала неумная жажда создавать, изобретать, придумывать!

Он с гордостью развернул чертежи:

– Вот! Смотрите! Я продумал все! Как увидел ваши пистолеты, так подумал – а почему пушки должны быть такими неуклюжими? Почему они должны заряжаться только с дула? И стрелять дурацкими шарами? Смотрите, как здорово!

Андрей просматривал чертежи, и глаза его полезли на лоб.

– Ты *сам* это придумал? О боже мой... а ты вообще-то воплотить это в жизнь сможешь? Снаряды, например?

– Чего? Что такое снаряды?

– Вот эти штуки называются снаряды. – Андрей показал искомый предмет на чертеже. – А вот это – затвор. Это – гильза. Там порох. Как ты вообще пришел к идее зарядания с казенной части?

– Каз... чего? Какой части?

– Вот это называется казенник. Ты сам придумал этот затвор? Эти пушки?

– Сам! – просиял парень. – Я посмотрел на пистолеты, которые мы делаем по вашим чертежам, и придумал! Только я думал, это тоже будет называться «патрон», а это – «пуля». Теперь буду знать. И откуда вы столько знаете?! – Акур восхищенно посмотрел на собеседника и тут же забыл о своем вопросе. – Я уже сделал несколько образцов сна... снарядов! Я в цеху, где делают патроны, сказал, что мне надо, брат распорядился – и мне сделали. Получилось! Гли... глизы из меди, капсуль тоже. Снаряд железный. Только я пока не придумал, как сделать так, чтобы снаряд не болтался в стволе. Пуля-то свинцовая, а он железный – как сделать, чтобы его раскрутило? И чтобы он нарезы не сильно снашивал? Но ничего, придумаю! – Парень многообещающе кивнул. – Скорострельность будет выше! Смотрите, сюда затыкаем снаряд, потом закручиваем затвор, бьем молотком по бойку, тот по капсулю, и бах! Снаряд полетел! Представляете, на какое расстояние он полетит? И что он натворит у врага? Он сразу убьет несколько человек, пролетая через строй! А ворота? По воротам бить! Издалека! Раскрученный нарезкой снаряд будет лететь гораздо дальше и бить точнее!

– А как ты решил вопрос отдачи? – с интересом спросил Андрей.

Ему было интересно поговорить с гением, изобретателем артиллерии этого мира. Акур еще не понимал, что сделал, его пушки были примитивны и смешны, но... он предвосхитил открытие. Он опередил время. Парень и взаправду был гениален.

– Какой отдачи? А, отдачи! Ну, пушки поставим на турели, будут жестко закреплены. Никакой отдачи и не будет. А если поставить на колеса – откатится назад, потом закатим ее на место – и снова стреляй. Нормально. Вон баллисты гораздо дольше заряжают. А летят камни и стрелы ближе. И пробивная способность меньше. Вот так. Ну как, не зря я задержал изготовление пушек?

Андрей вздохнул и с сомнением посмотрел на сияющего парня – сможет ли? Механизмы настоящей артиллерийской пушки настолько сложны для этого времени... Сколько их они смогут сделать? Что лучше – иметь сто отлитых пушек, стреляющих ядрами, или же пять, но стреляющих снарядами? Он взвешивал все и так и эдак, прикидывал, потом спросил:

– Ты хорошо все рассчитал? Ты представляешь, сколько надо для этого нитропороха? Дымный порох ведь сделать легче. Но дымный тут не пойдет. А производство снарядов? А стволы – ты представляешь, какая там нагрузка? Ты сумеешь найти сталь нужной прочности?

И сделать стволы? Нужны мощные прессы, нужны специальные механизмы для изготовления частей пушек. Ты сумеешь выдать к окончанию сезона дождей хотя бы десяток таких пушек?

– Сумею! – решительно заверил Акур. – Денег давайте! Людей! Механиков, кузнецов! Металл, химикаты! Я сделаю, клянусь! Не сделаю – отрубите мне башку!

– Отрублю, отрублю... – задумчиво протянул Андрей, рассматривая чертежи. – И какой диаметр ствола ты думаешь сделать? Калибр то есть.

– Ну... миллиметров семьдесят, – слегка растерянно пояснил парень. – Чем больше диаметр ствола, тем сложнее его отковать. Так что на сегодняшний день это максимальный калибр. Семьдесят миллиметров. Я и снаряды под него приготовил – так-то ничего получились. Только надо еще пушки сделать, но без вашего позволения не могу. Ну так что, господин Андрей? Будем делать такие пушки?

– Нет. Не будем, – ответил Андрей, весело глядя в лицо изобретателю.

Тот на глазах потух, как будто сморщился, а его брат шумно выдохнул и торжествующе воскликнул:

– Вот видишь! Видишь! Я тебе что говорил?! Болван! Выпороть бы тебя! На целые сутки задержал начало выполнения заказа! Ну что с ним делать, господин советник? Дать бы ему в глаз, скотине!

– Никому в глаз мы давать не будем. Пушки будем делать, но не такие. Акур, быстро карандаш, бумагу! Сейчас скажешь – сумеешь сделать такое или нет. Хватит ли у тебя разума, или ты пока не дорос до такого!

Акур встрепнулся и, хмыкнув, встал со стула, с недоверием глядя на Андрея. Потом пошел в угол и с минуту шарился, набирая свинцовые и грифельные карандаши, бумагу, линейки. Вернувшись, разложил все принесенное перед Андреем и выжидающе уставился на него.

– Показывайте. Я не верю, что могу что-то не понять или не сделать. Я гениальный механик. Им всем до меня – как до Славии пешком! Они болваны! – Парень задрал курносый нос и, шмыгнув, утерся рукавом куртки.

– От сволочь! От наглец! – весело восхитился Энар. – Батя всегда говорил, что это самая гениальная и наглая скотина во всем мире! Он его людям-то боится показывать, говорит, узнают – сопрут! Но нагле-е-ец...

Андрей улыбнулся и, развернув лист бумаги, начал уверенно рисовать.

– Начнем со снаряда. Какого рожна он должен быть простой болванкой? Смотри сюда – здесь находится взрывчатка. Сделать ее легко, я тебе скажу как, дам состав. Тут, впереди, вворачивается взрыватель – что-то вроде большого капсуля. При ударе снаряда в цель взрывается капсюль, подрывает взрывчатку. Стальной снаряд разлетается... и все мертвы. Далее. Чтобы он закручивался в стволе, сюда надо приделать медные пояски, а снаряд должен быть вот такой... такой формы. Видишь, тут вдавлено? Ага. Одну проблему устранили. Дальше. Никакая не глиза, как ты ее гадко обозвал, – гильза! Гильза! С ней все понятно, ты ее нормально придумал. Теперь к стволу: диаметр семьдесят миллиметров пойдет. Хотя лучше бы семьдесят шесть.

– Почему семьдесят шесть? – автоматически спросил Акур, лихорадочно блестящими глазами наблюдая за тем, как из-под карандаша советника выходят очертания орудия убийства.

– Ну... так лучше, – уклончиво ответил Андрей. – Итак, семьдесят шесть миллиметров, разрывные снаряды. Нарезку в стволах вы уже умеете делать. А вот отковать такие стволы будет непросто. Сталь нужна очень хорошая, иначе разорвет.

– Найдем! – уверенно кивнул Акур. – Дальше, дальше давайте!

– Теперь записывай: длина патронника 179,3 миллиметра. В стволе двадцать четыре нареза, идущих слева вверх направо. Глубина нарезки 0,762 миллиметра, ширина нарезов семь миллиметров, ширина поля три миллиметра, крутизна нарезов постоянная, угол крутизны $11^{\circ}49'44''$, длина хода нарезов пятнадцать калибров. Длина ствола будет... пять метров. Это

увеличит дальность выстрела. Дальше: часть нужно поставить вот на такие штуки – лафет называется. На колесах. Цеплять будем к лошадям. Часть – на турели. Это крепостные пушки.

– Здорово! Еще, еще! – жадно выкрикнул Акур. – Вы – гений! Вы превзошли меня! Я болван в сравнении с вами!

– Тихо-тихо, слушай, – криво усмехнулся Андрей и подумал: если кто и гений, так это тот, кто придумал эти штуки и Интернет. – Итак, дальше. Наводятся они вот так – видишь, крутишь колеса, и пушка вверх... вниз... в стороны. Бить придется прямой наводкой, по стволу. Прицел придумаем потом. Теперь по отдаче. Смотри сюда, это называется накатник, а это – откатник. Тут – жидкость и поршень с прорезями. Тут – мощные пружины, которые возвращают ствол назад. И еще – на стволе, впереди, дульный тормоз. Вот тут каналы, в которые заходят газы после того, как снаряд вылетел из ствола, и тормозят откат. Для того, чтобы механизмы дольше служили. И теперь самое сложное, как мне кажется. Гляди сюда – это затвор...

Андрей долго вырисовывал детали, Акур широко раскрытыми глазами следил за движениями его руки.

– Вы – бог?! – восхищенно прошептал он. – Как вы это могли придумать?! А я-то, болван: завернуть, заглушку, молотком... Мне хочется врезать себе молотком этим по дебильной моей башке!

– Хватит самобичевания, – оборвал его Андрей. – Гляди сюда: это клин. Вот тут стопор... ага. Отводишь ручку, вставляешь снаряд, досылаешь в патронник – шелк! Есть. Он в стволе. Тут спусковой крючок – нажал, бах! Снаряд полетел, а гильза сама вылетела наружу, патронник открыт, досылай снаряд – бах! И полетела смерть. Сумеешь такое сделать?

– О боже, боже мой! Как красиво придумано! – Акур впился в чертежи глазами и деловито спросил: – Подгонять будем, насколько я понял, под те параметры, что вы мне дали? Ох, сложная задача, ох и сложная! Но интересно, да! Клин тут, ага, тут защелка... здорово! Гений, вы – гений!

– А то ж! – хохотнул Энар. – А ты думал! Господин Андрей великий человек! А ты: я гений! я гений! Дурак ты, а не гений!

– Сам ты дурак! – ошетинился Акур. – Сейчас никто не видит, кроме своих... как дам тебе по башке!

– Тихо, тихо, ребята, – остановил разгоравшуюся ссору Андрей. – Акур, если ты сумеешь это сделать, ты и вправду гений. Ты сумеешь? Уверен?

– Я уже сказал! – Надменно выпятив губу, парень встал из-за стола и принялся расхаживать по комнате, заложив руки за спину. Точь-в-точь как Ленин в кинофильмах, и Андрею захотелось хихикнуть, но он сдержался и только слегка улыбнулся. – Я сказал: мне нужны деньги, люди, материалы! То, что у нас сейчас есть, недостаточно для постройки этих орудий. Денег понадобится много. Господин Андрей, ищите средства. Сразу скажу, казне придется раскошелиться. Собирайте механиков и мастеров по металлу со всей страны. Всех инженеров. Если дадите то, что мне нужно, к концу сезона дождей я выдам вам самое меньшее десять орудий с полным запасом снарядов – по тысяче на каждое. Уверен.

– Хорошо. Посчитайте, что вам нужно, и завтра пришлите во дворец гонца с расчетами. Я займусь организацией дела. Нам позарез нужны эти пушки. Впрочем, как и пистолеты. Энар, что там с пистолетами и ружьями?

– Делаем. Все как планировали. Пока идем в графике. На этой неделе выдадим сотню нарезных ружей с боеприпасами – по пятьсот выстрелов на каждое.

– Патронов больше давайте. Больше. Солдат надо тренировать. Акур, тут еще кое-что, погляди-ка – как пушки, но только без стволов. Смотри – вот железные направляющие, по ним летят снаряды. Видел, шутихи запускают на праздники, они взлетают и бабахают? Так вот, эта штука называется ракета. Она тоже летит и бабахает. Так бабахает, что мало не покажется.

Дальность полета и точность у нее ниже, но когда враг идет массой, плотной стеной – представляешь, если ракета попадет в гущу войска и взорвется?

– Ух ты... займусь! – загорелся Акур. – Будут ракеты! Кстати, их можно поставить на крепостные турели! И пусть попробуют подойти! И на лафеты можно. И стволы ковать не надо... интересно, очень интересно. Будут ракеты!

– Хочешь, я тебе набросаю еще несколько штучек? – улыбнулся Андрей. – Подумай на досуге. Но это уже дело далекого будущего. Я запрещаю заниматься ими, пока не будет полностью выполнен этот заказ. Пушек и ракет надо много. И пистолетов. И ружей. У меня должна быть самая боеспособная армия в мире!

Андрей даже не заметил, как оговорился – «у меня». Ведь на самом деле он должен был сказать: «У Балрона». Он уже давно не отделял себя от государства... Его занимал один вопрос: где взять деньги? Казна была опустошена распутством и мотовством покойного императора. Богатый юг налогов не давал, сливая их бунтовщику Гортусу, а север никогда не отличался богатством. Да и с запада и востока сборы были не ахти какие. Страна в ожидании гражданской войны, и выжать налоги из подданных империи было очень трудно. Все рассуждали примерно так: «В пламени гражданской войны, возможно, сгорят мои долги, налоги. На кой демон сейчас платить императору, когда можно выждать и заплатить потом тому, кто выиграет войну? Все равно победитель потребует денег, так чего же сейчас суетиться?»

Вот и оказалась Антана, великая императрица Балрона, перед разбитым корытом – трон есть, а денег нет. Нужно содержать армию, переоснащать ее, набирать рекрутов – а на какие шиши? Только содержание дворца и штата прислуги обходилось в круглую сумму. А охрана, а гвардия? Зиртон уже докладывал, что в гвардии зреет недовольство – жалованье задерживают, заставляют заниматься муштрой, а при прежнем императоре офицеры гуляли на выданные им золотые и в ус не дули. Были пущены в дело те деньги, что Андрей забрал у исчадий, а еще драгоценности и деньги, отнятые Шанти у разбойников. Но эти средства стремительно таяли, и скоро Андрей и Антана останутся ни с чем. Одно дело – расходы семьи, и другое – затраты на поддержание государственного строя.

Андрей задумался, слегка поколебался – надо ли? – потом все-таки стал набрасывать Акуру чертежи. Он рисовал быстро, размашисто, но линии получались четкими, точными, как у настоящего художника.

Акур опять вытаращил глаза, он почти ничего не спрашивал, лишь жадно вглядывался в наброски и восторженно мычал. Шанти изнывала от скуки и каждые пять минут толкала Андрея ногой. Он злился, но не встал из-за стола, пока не закончил дело.

Попрощавшись с братьями, смотревшими на него как на божество, Андрей с недовольной Шанти погрузился в карету и в сопровождении гвардейцев отправился восвояси, приказав кучеру остановиться у самой хорошей в городе харчевни. Там, где чаще всего дерутся и где можно получить в ухо ни за что.

Кучер вытаращился на Андрея, как на чудище морское, когда услышал, что остановиться надо не доезжая двух кварталов до этого заведения и, оставив там советника со спутницей, ехать во дворец, но, как хороший, вышколенный слуга, ничего не сказал, низко склонившись в поклоне.

С его шляпы стекали потоки воды, плащ был мокрым, как если бы кучер нырял в пруд, поэтому по большому счету ему было глубоко плевать на капризы и пожелания хозяев. Сказали их посадить – значит, посадить! Все!

Посоветовавшись с командиром охраны, он взгромоздился на карету, хлопнул кнут, лошади дернулись, и огромные, чуть ли не выше самой кареты колеса снова загромыхали по каменной мостовой.

Искомая таверна обнаружилась в портовом районе. Командир охраны постучал по дверце остановившейся кареты и негромко сказал выглянувшему в окно Андрею:

– Господин советник, вон там, в двух кварталах отсюда, таверна «Штопаный парус». Самое злачное из всех злачных мест. По молодости, курсантами, мы туда заходили – ни разу не обходилось без того, чтобы мы с кем-нибудь не подрались. Вы уверены, что вам туда надо? Нет-нет, я знаю, что вы великий мастер меча и очень сильный, смелый человек. Но надо ли вести туда невинную девушку? Вы можете не уследить, и кто-нибудь ее обидит. И что тогда? Ну да, мы разнесем этот вертеп по бревнышкам, но будет поздно. И кроме того, могут вспыхнуть беспорядки. После усмирения недавних волнений народ возбужден, так и ищет повода, к чему бы придраться. Понравилось им, видите ли, грабить и бесчинствовать. Подумайте, надо ли вам это?

Андрей внимательно посмотрел в глаза сержанту гвардии и прощупал его эмпатическим чувством. Тот искренне заботился о самочувствии охраняемого объекта, и Андрей слегка устыдился, что создает людям лишние проблемы. Он полез в карман, нащупал пару золотых и вручил охраннику.

– Найдите тут приличную харчевню и выпейте пива. И кучера не забудьте – промок совсем. А о нас не беспокойтесь – мы прогуляемся и вернемся. Только скажите, где вы будете сидеть, чтобы мы вас нашли. Я решил не отправлять вас во дворец без меня – боюсь, императрица обеспокоится. Зачем нам ее волновать, не правда ли?

– Да, конечно, – с готовностью кивнул охранник, повеселевший и предвкушавший выпивку за чужой счет. – Мы пойдем вон туда, в «Желтый кнут». Недорогая харчевня, вполне приличная. Может, вы тоже там посидите? Нет? Ну вам виднее, – закончил сержант и поспешил сообщить остальным гвардейцам радостное известие. Приятно, в самом деле, – и на службе, и законно можно пропустить парочку кружек пива. А может, горячего вина со специями – это уже кто как любит.

Андрей накинул на Шанти непромокаемый дождевик, висевший в углу кареты, второй надел сам, накинул капюшон и, выпрыгнув из кареты, подал руку Шанти. Она грациозно выпорхнула наружу, вся светясь довольством и красотой, и тут же выругалась грязнейшим из ругательств, наступив прямо в лужу, где плавала дохлая крыса. Сержант гвардейцев спрятал невольную усмешку – он постарался запомнить новый оборот, чтобы употребить в казарменной бытовой речи.

– Ты чего это?! – рассердился Андрей. – Девушке не пристало выражаться такими словами!

– А пристало тут разбрасывать всякую гадость? – нервно парировала Шанти. – Ффу-у-у! Это надо же какую пакость Бог сотворил! Крыса!

– Мало ли какую еще пакость он сотворил, – туманно заметил Андрей. – Но язычок придержи.

– Господин советник, – не выдержал сержант, – там, куда вы идете, такой язык более употребителен, чем ваша правильная и вежливая речь. С тем народцем так и надо, иначе на шею сядут. Может, все-таки с нами посидите, в «Кнута»? Там есть отдельные кабинеты, закрывающиеся на ключ, вам будет удобнее. И госпоже.

Андрей слегка нахмурился, потом усмехнулся – что это они себе вообразили? Что Шанти его любовница и он скрывается с ней от своей жены в заштатной гостинице? А что еще должны подумать солдаты, видя, что их господин шастает по злачным местам низшего пошиба? Значит, не хочет, чтобы его видели аристократы, знатные господа. И капюшон низко надвинул для того же – чтобы не узнали.

– Как акул жрать, так ничего? – мысленно обратился Андрей к Шанти. – А тут крыску испугалась?

– Акулы же чистые! В воде плавают! Крысы – они гадкие! И мыши тоже! Я их ненавижу! – парировала Шанти, тоже по мыслесвязи. – Отвратительнее существ нет!

– Ничего себе! Отважная драконица, гроза оборотней, боится мышей и крыс? – съехидничал Андрей. – Да может ли такое быть?

– И чего такого? Они *противные*! Да, да, боюсь! Подавись! Боюсь! И что? Лучше я пять оборотней встречу, чем эту мелкую серую гадость! Брр! Не говори мне больше про них! У меня просто чешуя дыбом встает!

– Ладно, не буду. Пошли. Только тут полно крыс. Не боишься, что они ка-а-ак выпрыгнут, ка-а-ак набросятся?! И хвост оторвут у несчастного дракона, чешую которого не могут пробить даже стрелы?

– Я на провокационные вопросы не отвечаю! Наглые, грязные людишки развели крыс и мышей! Сами как крысы! И мыши!

Под разъяренное бормотание драконицы парочка быстро дошла до заведения, на котором имелаась грязная, битая морскими ветрами вывеска, и на ней слегка просматривался корабль, под всеми своими штопаными парусами стремящийся к светлому будущему – вероятно, к такому же вертепу, как этот.

Под небольшим навесом уютно устроились трое пьяниц, обнявшихся и почмокивающих во сне, как младенцы. Их карманы были вывернуты, а шнурки, на которых раньше висели кошельки, отрезаны, что свидетельствовало о стремлении заведения охранять здоровье своих посетителей любыми доступными методами. Ведь если они не смогут потратиться на выпивку – значит, и не нанесут ущерба своему здоровью! Можно было бы предположить, что обобрали алкашей случайные прохожие, но такое могло прийти в голову только несведущему человеку. Все, кто попал в «Штопанный парус», должны оставить деньги в этих стенах, или нечего было сюда вообще приходить! Так считал Данеро, бывший пират, а теперь хозяин заведения, который отличался не только патологической жадностью, но еще и светлым умом.

Когда-то его озарило – пиратский промысел совсем не такое выгодное и почтенное дело, как считало большинство глупых романтичных щенков, начитавшихся дурных книжек, а тяжелый, грязный и самое главное – вредный для здоровья труд, приводящий примерно через пару лет или на дно, с камнем на ногах, или на виселицу, под одобрительный шум матросов и рокот барабанов береговой охраны. Гораздо выгоднее грабить на берегу, продавая посетителям таверны еду и выпивку по запредельным ценам и обирая пьяных. Почтенно – и полезно для здоровья. И не менее романтично, кстати! Ведь главная романтика не в преодолении штормовых волн, а в обладании тугим кошельком. Вот где настоящая-то романтика! А как романтично перебирать в руках драгоценности, заложенные пьяницами и не выкупленные обратно, – ведь достались они за гроши. А еще вещички с пропавших кораблей и со случайных прохожих, забредших в этот район – не в то место и не в то время, когда было надо. Немного испачканные кровью, но вполне крепкие и самое главное – очень, очень дешевые. Их хорошенько отстирать, заштопать прорезы на спине, и можно выставить в магазинчике для малоимущих, что в рыночном квартале. Мало кто знал о том, что лавка под названием «Товары по низкой цене» принадлежала владельцу «Штопаного паруса». Он держал ее через двоюродного племянника, который свято хранил эту тайну – под страхом смерти. Родственник или не родственник, а за некоторые вещи Данеро отрезал бы язык кому угодно! Таких лавок у него было три: одна торговала одеждой, другая – ювелирными изделиями, третья – всем, что попадется в руки, от посуды до оружия. Что-то вроде лавки старьевщика, только повыше уровнем.

Парочка, перешагнувшая порог заведения, не привлекла особого внимания – ну пара как пара, ничего интересного. Девушка с наглыми зелеными глазами, задранным носом и пухлыми губами шлюхи, мужчина, прячущий лицо под капюшоном дождевика, – мало ли сюда ходит искателей приключений? Тут бывают и аристократы, чтобы, так сказать, опуститься на самое дно и затем полгода рассказывать своим менее смелым друзьям, что он, герой и отчаяга, посетил знаменитый притон! И ушел оттуда живой и невредимый, прибавив по дороге парочку хамов, посмеявших сказать ему слово поперек.

О том, что он тихо, пугаясь каждого шороха, вместе с тремя такими же лопухами просидел тут всего пару часов и был обманут при расчете минимум на золотой, а то и на два, – об этом уточнять не стоит. Совсем не стоит.

И о том, что, если бы кое-кто захотел, не нашли бы даже его трупа, – ему знать не нужно. Данеро выгодны такие посещения, тем более что он держал целый штат проституток, обслуживающих его клиентов, среди которых были и очень важные персоны. После того как сгорел корабль-бордель, которым владели конкуренты, главным заведением, поставлявшим «товар» для ВИП-клиентов, стал «Штопанный парус».

Нет, сам Данеро не получал удовольствия от того, что его партнерша извивалась и кричала, вытаращив глаза и пытаясь умолить своего мучителя не делать ей больно. Он не извращенец. Но если есть люди, которые платят за это большие деньги, почему бы и не дать им то, что они хотят? Тем более что через них можно прокручивать кое-какие делишки и посерьезнее... не все драгоценности, что он приобретал у пиратов, имели бросовую художественную и ювелирную ценность. Были и вещи, стоившие очень приличных денег, даже по меркам аристократов.

И кому их сбывать? Рыночным торговкам? Башмачнику Пежару с его толстозадой дочкой? Нет, ценные предметы находят хозяев среди родовитых людей. Кстати – не гнушающихся иметь свои комиссионные с краденой вещишки. Титул – это хорошо, но частенько проку от него не больше, чем от шляпы с перьями экзотической птицы для домашней кошки. Впрочем, даже меньше – в шляпе кошка может хотя бы уснуть, а титул для нее пустой звук. Как и для тех титулованных людей, не имеющих за душой ни гроша.

Как так получилось? Да мало ли причин... немилость императора, лишившего всех поместий, дурные склонности – пьянка, азартные игры, жадные красотки, – все это приводит к разорению и к поиску непьющих источников дохода. В общем, Данеро тут был как раз на своем месте – месте страшного, кровавого паука, держащего в своих руках многие нити темной стороны жизни.

Глава 2

Зал был заполнен процентов на семьдесят. Время обеденное, но в такие заведения люди ходят совсем даже не просто так пообедать, притом завсегдатаи трактира появлялись обычно поздним вечером. Хотя и сейчас около десятка бандитов сидели в дальнем углу и пили горячее вино.

Данеро знал, что они скоро незаметно исчезнут, отправившись на вечернюю «охоту». Лавки закрываются ближе к вечеру, и есть шанс выследить купца, идущего домой с приличной суммой денег. Потому-то торговцы частенько старались держать лавку в том же доме, где жили, – квартира наверху, торгуеть на первом этаже. Но что поделаешь, если дом стоит не в людном месте? И если от лавки до него надо ехать минимум час? Вот и случались время от времени в городе кровавые ограбления или исчезали люди.

Несколько проституток зорко поглядывали за входной дверью, чтобы броситься навстречу посетителю и перехватить его раньше, чем «коллега» по ремеслу. Доходило до жесточайших драк, однажды такая драка даже закончилась убийством. Данеро сквозь пальцы смотрел на это безобразие, если только оно не грозило его благополучию. Никаких убийств, никакого членовредительства – девку, лишившую жизни свою товарку, он приказал задушить на глазах всего «коллектива», в назидание остальным шлюхам: драться деритесь, но уничтожать станок, штампующий деньги, не моги! И ломать его нельзя – изуродованная девка не принесет дохода.

Так-то даже интересно, когда девки дерутся за клиента, – народ ради таких зрелищ бросает игру в кости и свои разговоры о том, кто кого сегодня выгодно прирезал в переулке. Но – все должно быть в меру.

Данеро каждую седмицу даже устраивал поединки шлюх: совершенно голые девки боролись на ковре посреди трактира, пытаясь положить одна другую на лопатки, а победительница потом собирала то, что ей накидали щедрые – или не очень – посетители.

Немногие знали, что из этих денег девкам достанется хорошо если треть – остальное забирал Данеро.

Честно сказать, он уже давно не испытывал необходимости в деньгах. Денег у него было столько, что он мог бы купить несколько таких трактиров со всем персоналом в придачу. В тайном укрытии у него лежало больше двух миллионов золотых. Кроме того, он втихаря скупал недвижимость – дома, землю. Но, как жадный паук, не мог удержаться, чтобы не высосать сок еще из одной жертвы, не мог остановиться, отказаться от денег, так и плывущих в руки. Но при всем том он был скромен, питался простой, здоровой пищей, не курил, не употреблял наркотики, вина выпивал не более бокала в день, и то разведенного. Любил женщин, да, – а кто их не любит? Но и это не было его страстью – любая из проституток, умелых, тренированных и частенько довольно красивых, обслужила бы его так, как он хочет. И обслуживали. По первому требованию, или скорее – кивку головы. Они боялись его до потери пульса и говорили о нем только шепотом, десять раз удостоверившись, что никто не подслушивает. За язык Данеро карал нещадно.

Внешне это был очень приятный человек лет пятидесяти – пятидесяти пяти, седоватый, с неизменно чистыми волосами, стянутыми на затылке в воинский хвост. Одевался неброско, говорил тихо, вежливо, никогда не матерился и не богохульничал. Но при всем том это был один из самых страшных людей в империи, если не во всем мире.

Как он умудрялся оставаться в живых? К тому же имея кругленький капитал? Легко. Данеро был главарем всего преступного сообщества столицы Балрона. Но самое интересное, что об этом не знал никто, кроме нескольких доверенных лиц, осуществляющих от его имени управление боевыми группами бандитов.

Все преступники платили дань – двадцать пять процентов с награбленного, наворованного, отнятого и украденного. Четкая бухгалтерия и многочисленные информаторы не позволяли мухлевать с оброком, а те, кто противился воле Данеро, исчезали, как лужи под летним жарким солнцем. Акул в море много... им тоже надо есть.

Существовало несколько «ипостасей» Данеро.

Первая – для большинства – трактирщик, в заведении которого можно хорошенько выпить и куда редко заходят патрули городской стражи, то есть здесь безопасно. А еще можно найти доступную женщину.

Вторая – для завсегдатаев – трактирщик, скупающий награбленное, темный махинатор, но – барыга, человек не их круга. Презираемая личность. Кто уважает барыг? Никто, кроме них самих. И кто уважает сутенеров? Вообще никто. Ни клиенты, ни проститутки. Почему до сих пор башку ему не разбили? Да кто знает – говорят, кто-то за ним стоит, кому-то он платит за защиту.

И третья ипостась – это настоящая жизнь Данеро – главарь преступного мира столицы. Об этом уровне знали единицы. Три человека приближенных, главы самых крупных банд города, да еще пара-тройка доверенных лиц.

Данеро не был женат. Зачем? Женщины есть всегда, а детей он не любил – от них одни хлопоты. Власть и деньги, деньги и власть – вот что главное в мире. Ему доставляло удовольствие смотреть на посетителей трактира из-за своей стойки и думать о том, что он мог бы любого из них стереть в порошок. Сломать жизнь, уничтожить морально и физически. И не делает он это только потому, что *может* это сделать. А раз можешь – зачем делать на самом деле? Разве предвкушение не слаще самого удовольствия? Вот ты получил то, что хотел, а потом? Разочарование. Как с женщиной, которую ты добивался, взял ее, как хотел, а потом, застегивая штаны, разочарованно подумал: «И зачем это было? Что у нее по-другому, не такое, как у предыдущих женщин?» И остается лишь чувство досады... до следующего предвкушения, до следующей победы.

Данеро был в некотором роде эстет и, если бы он знал, что говорили по этому поводу мудрецы из параллельного мира, очень бы удивился, насколько их мысли совпадают. «Главное не цель, главное – путь к цели». И сказал бы, что они совершенно правы.

Парочка прошла туда, где было меньше всего народу. Посетители трактира, как ночные животные, не очень любили освещенные места и старались забиться в угол, где темно. Инстинкт говорил: спрячься, не показывай себя!

Похоже, что этой паре инстинкт изменил – мало того что они уселись неподалеку от окна, так девица еще скинула дождевик и осталась в зеленом шелковом платье, тесно облегающем ее упругие бедра и грудь, норовившую выскочить из лифа.

Данеро невольно вздохнул – девица была хороша! Она просто светилась молодостью, чистотой, каким-то добрым весельем, и после взгляда на нее трактир казался еще более грязным, темным и подозрительным местом.

Трактирщик задумался – девка-то высшего сорта. Может, заняться ею? Граф Турасов любит таких – невинных, свежих. Обламывать их любит. Пытать. Можно взять с него большие деньги. Очень большие. Сомнения вызывает только этот мужчина, прячущий лицо под надвинутым капюшоном, – кто он такой? Впрочем, важные персоны сюда не ходят. А с остальными справиться легко. Сравнительно легко. Все люди смертны... Все-таки вначале нужно присмотреться к посетителям.

– Как я поняла, ты привел меня сюда развлекаться, – промурлыкала Шанти, оглядываясь по сторонам. Она с удовлетворением отметила, что несколько мужчин, сидящих неподалеку, пожирают жадными взглядами ее соблазнительные полушария.

– В общем-то да... только уже жалею, что привел тебя сюда, – сознался Андрей. – Ощущение у меня нехорошее. Знаешь, я некогда воевал в горах, так вот, бывало, идешь и вдруг чувствуешь, что кто-то на тебя смотрит. И не просто смотрит – он твой враг! Он тебе хочет зла! Он сейчас в тебя выстрелит! Падаешь – и вовремя. Выстрел! И если бы ты не упал, лежать бы тебе с пробитой пулей башкой. Это непередаваемо. И не всем дано. Но я умел почувствовать. Может, потому и жив до сих пор. И вот здесь – тяжелая атмосфера. Угроза не от этих придурков с разбойничьими рожами, нет. Что-то другое. Более опасное. Как будто где-то в темноте сидит чудовище и поджидает меня, приготовившись к прыжку.

– Поэтично как! – восхитилась Шанти. – Вот так и надо излагать свои мысли! А то – крысы, мыши... пугаешь меня всякой гадостью. А тут весело. Очень интересно! А что, хорошее место – много придурков, которых можно выкинуть в окно, много еды... кстати, чего там насчет еды? Эй, милая, ну-ка, поди сюда!

Подавальщица, девица лет двадцати пяти, в ярком, облегающем ее прелести сарафане, подошла к столику и, завлекательно улыбнувшись мужчине в капюшоне, ласково спросила:

– Чего изволите? Есть хорошая оленья поджарка с крюолями, суп из осьминогов с мидиями и артусами, сладкие булочки с медом, пироги с олениной и еще много, много вкусного! И вино – хорошее, кракасийское – белое и красное. А еще, – она наклонилась пониже, – возбуждающие мушки! Если мужчина употребит их за полчаса до постели – потом с себя не скинете! Затопчет!

Шанти хихикнула и спросила по мыслесвязи:

– Не хочешь меня потоптать? А потом я тебя!

– Жестокосердная драконица! После того как ты потопчешь своей тушей... нет уж, обойдемся без топтания!

– Нет, пока обойдемся без топтания. – Шанти лучезарно улыбнулась девице. – Оленьей печени. Почти не обжаренной, чтобы кровь сочилась. Мяса без специй. Слегка обжарить. Ну и... пирогов, пряного мяса с овощами, сладостей, пива – тащи всего побольше.

Подавальщица удивленно вскинула брови, но переспрашивать не стала и пошла выполнять заказ, виляя бедрами так, что казалось, она извивается будто змея. Видимо, такой эффект создавали узоры на ее сарафане, выполненные в виде переплетенных нешироких линий. Мужчины за столиками проводили девицу взглядами, а один, когда она проходила мимо, погладил ее по задку, за что получил соблазнительную улыбку. Похоже, что девушка работала тут не только подавальщицей...

Андрей привычно, как в бытность свою вышибалой, осмотрел зал и отметил трех здоровенных парней – собратьев по ремеслу, которым он некогда промышлял в Славии. Вышибалы были не очень крупные, но такие... квадратные, что ли, – жилистые, сильные, с цепкими, внимательными глазами. Они гасили конфликты в зародыше – им достаточно было только подойти к скандалистам, и те сразу же замолкали, утихали или выходили наружу, за дверь.

Проследив за взглядами вышибал, Андрей нашел главного – мужичка лет пятидесяти, скромно стоящего за стойкой и прихлебывающего что-то похожее на сок из высокого хрустального стакана. Именно хрустального, а не стеклянного – Андрей отчетливо видел прихотливые изгибы стенок, а еще тонкую золотую гравировку в виде вычурного вензеля. Похоже, это были инициалы владельца. Такие изделия недешевы, даже если забыть, что отделка золотом стоила больших денег.

Андрей задумался – этот штрих как-то выпадал из общей картины. Он чуял здесь что-то неправильное, неестественное. Хотя... мало ли где трактирщик мог добыть этот стакан. На базаре купил, например. А то, что этот человек внимательно разглядывал его и Шанти, проявляя большой интерес, так это благодаря драконице, устроившей тут чуть ли не стриптиз. Ее грудь, выпадающая из платья, привлечет внимание и совершеннейшего импотента, что уж говорить про половозрелого, голодного до баб мужика.

Они занялись едой. Шанти с удовольствием поглощала сочные куски печени, резала ножом сочащееся кровью мясо и насмешливо поглядывала на Андрея, который механически жевал то, что ему подали, практически не разбирая вкуса.

Он думал о том, как ему создать самую могучую в мире армию и при этом не замарать рук. Почему он непременно должен был марать руки? А как иначе добыть деньги? Казна пуста. Его личные деньги кончаются. Что делать? Увеличить налоги? Бессмысленно: если при нынешней ставке собираешь ноль налогов, то увеличь налоги на четверть – и будешь собирать больше на четверть от ноля. То есть – опять ноль.

Самое неприятное было в том, что армия волновалась. Не хватало денег на ее содержание. Перефразируя известное высказывание Наполеона: «Народ, который отказывается кормить свою армию, будет кормить чужую», можно сказать так: если они с Антаной не накормят свою армию, то... в общем, хреново им придется. А ведь еще нужны деньги на оружейный завод, высосавший львиную долю всех его личных сокровищ и окончательно опустошивший казну. Расходы на завод уже составили более трех миллионов, а если продолжать его перестройку, строить новые прессы, создавать новые машины, эта сумма может утроиться. Где взять деньги?

Внезапно ему в голову пришла мысль – а не посоветоваться ли с «женой»? Олра очень умная женщина, и она долгое время в одиночку вела все дела своего трактира. А теперь занимается коммерцией и общается с элитой столицы Балрона. Что она посоветует? Все равно больше ничего в голову не приходило – кроме вульгарной экспроприации денег у богатых людей. Но это порочный путь. Это приведет к бунтам, мятежам и многократному увеличению сторонников Гортуса.

Его внимание привлек голос подавальщицы. Она что-то настойчиво говорила, и, очнувшись от раздумий, Андрей спросил:

– Чего? Что ты хочешь?

– Она хочет, чтобы мы с тобой прошли в кабинет хозяина и с ним побеседовали, – объяснила Шанти. – Говорит, в качестве компенсации за беспокойство за обед с нас денег не возьмут.

Андрей неопределенно пожал плечами:

– А кто хозяин?

– Вы его видели, наверное, – улыбнулась подавальщица. – Он стоял за стойкой. Невысокий такой мужчина с седыми волосами. Это наш хозяин господин Данеро. Очень, очень влиятельный человек. Поговорите с ним, пожалуйста, он будет вам очень обязан.

– Пойдем? – мысленно передала Шанти. – Сдается мне, что будет забавно.

– Ага, будет, – тоже по мыслесвязи мрачно отозвался Андрей. – Я так и знал, что тут тухлецей пахнет. Будь настороже. И это... без нужды не показывай истинную сущность. Иначе придется всех, кто видел, поубивать. А так – просто поколотим их слегка, и все.

Подавальщица провела их через весь зал, потом по длинному коридору куда-то в глубь здания и сдала с рук на руки мрачному мужику, обладающему грацией боксера-средневеса. Не говоря ни слова, тот провел их в большую комнату, в которой все дышало покоем. На стенах развешаны картины, изображающие вишни и яблони в цвету. Обои с рисунком ручной работы были выполнены в пастельных тонах, а оконные проемы заменяли пейзажные полотна, написанные так искусно, что создавалось впечатление реальности увиденного. Иллюзию усиливали шелковые занавеси, обрамляющие картины, – как будто хозяин только что их раздвинул, чтобы полюбоваться видом из окна.

Данеро сидел за овальным столом, сервированным на три персоны дорогим хрусталем, фарфором и серебром. Трактирщик жестом предложил Андрею и Шанти присесть в кресла с высокими спинками, украшенные искусной позолоченной резьбой.

Андрей прошупал хозяина заведения эмпатически, но ничего особенного не уловил – тот лучился радостью и чуть ли не мурлыкал от удовольствия, как сытый кот. Ни агрессии, ни ненависти. Настроен доброжелательно, как и подобает радушному хозяину, ждущему гостей.

Больше в комнате никого не было, хотя Андрей своим чутьем оборотня ощущал за дверью позади трактирщика присутствие нескольких человек, пахнущих агрессией и страхом, слышал их хриплое пыхтение.

– Осторожнее, – передал он мыслесвязью, – за дверью толпа уродов наготове. Чего-то задумали, твари.

– Не учи ученую, – усмехнулась Шанти и сладко потянулась так, что ее «мячики» чуть не выскочили из лифа. – Знаю. Я что, не эмпатка, что ли? А слух у меня не хуже, чем у тебя.

Андрей попытался пододвинуть кресло – оно стояло так, что до стола пришлось бы тянуться, – но ничего не вышло. Кресло было намертво приделано к полу, и сдвинуть его не представлялось возможным.

В голове Андрея что-то мелькнуло, какие-то ассоциации были связаны с этим креслом. Он напрягся, чтобы вспомнить, но, когда в мозгу возник образ электрического стула и Андрей все понял, было поздно. С потолка мгновенно, как выстрелили, обрушились две стальные клетки, с грохотом вонзившиеся в пол, из которого выскочили зацепы, тут же надежно зафиксировавшие сооружения.

Шанти вскочила с места, ее лицо исказилось, но, прежде чем она что-то сказала, Андрей предупредительно передал:

– Тихо. Сядь! Успеем. Послушаем, что эта гнида скажет. Наше приключение становится очень, очень увлекательным. Просто захватывающим. Не правда ли?

– Правда, – хихикнула Шанти. – Это не драчунов в окно выбрасывать. Наклеивается что-то поинтереснее.

Оно и наклюнулось. Данеро встал с кресла и, подойдя к клеткам, удивленно спросил своих гостей:

– А чего не кричите? Чего не возмущаетесь? Надо ведь угрожать, вопить, что найдете на меня управу, что вы важные вельможи и что все знают, куда вы пошли. И что за вас страшно отомстят, вытянув мне язык через зад. Где ваши правильные слова?

Данеро приблизился к решетке, за которой сидела Шанти, и отшатнулся – «девушка» стала хохотать, заливисто, звонко. Андрей ей вторил, и с минуту они не могли успокоиться, искося поглядывая на ошеломленного бандита.

Он, сам того не зная, озвучил именно тот сценарий, по которому и развивались бы события. Если б с ними что-то случилось, Антана сровняла бы с землей этот поганый притон, разыскивая любимого и подружку. Видимо, трактирщик уже не раз слышал подобные угрозы и давно не придавал им значения – мало ли что наболтают жертвы в порыве гнева. Потом они обычно молили о пощаде и сулили капиталы, принимаемые бандитами с благодарностью. Затем – умирали. Без мук, просто и чисто – чик в сердце! И в море. Никаких извращений, никаких мучений. Все по-деловому, все как положено.

Трактирщик дернул за одну из бахромчатых нитей на занавеси у картины, и в комнату тут же вошли трое мужчин. Крепкие, мускулистые, похожие на солдат-наемников или же призовых бойцов. Они молча сели у стола и тоже уставились на клетки с людьми.

– Скажите мне, друзья, – начал Данеро, – как это понимать? Эти два создания сидят в клетках и смеются в голос над несчастным стариком! Я разве заслужил это? Я что, клоун? Кстати, я так и не узнал, кто этот человек. Василю, помоги ему снять капюшон. Надо же мне видеть лицо этого весельчака. Хочу познакомиться с ним.

Названный бандит встал с места, пошел к клетке с Андреем, но тот сам снял капюшон, откинув его за спину. Наступило молчание, и трактирщик наморщил лоб:

– Где-то я уже видел эту физиономию... где-то видел... тихо, молчите – хочу сам вспомнить. Где-то видел... нет, не может быть! Тьфу, демонство какое! Фу-фу-фу... – Данеро присел на стул, уперся руками в колени и, наклонившись вперед, несколько раз выпустил из груди воздух, пошлепывая губами. – Вот так встреча! Господа! Вы знаете, кого я поймал? Это же советник императрицы господин Андрей!

– А я тебе и хотел об этом сказать, – прогудел один из подручных трактирщика. – Это же тот самый победитель турнира! Хозяин, вляпались по самое не хочу. То-то он и смеялся над нами, дураками! И что будем делать?

– А что вы вообще собирались с нами делать? – спросил Андрей. – Не поясните? Просто из чистого интереса спрашиваю.

– Что-что... – задумчиво отозвался Данеро. – Девку одному важному господину за хорошие деньги – он любит попытать таких свеженьких красоток, ну а тебя в расход. Чтобы не пылил на горизонте. В море. Акулам на корм.

– Так и не поздно, хозяин! – с надеждой сказал третий бандит. – Девку продать, а этого в море! Кто дознается-то? У нас куча свидетелей, что они отсюда уходили! Посидели и ушли. На улицу. А куда – откуда мы знаем?

– Не-е-ет, – протянул Данеро, – она может сболтнуть графу, а тот потом будет меня шантажировать. Или шепнет императрице. Императрица крута на расправу – потом на этом месте тридцать лет даже расти ничего не будет, солью место засыпят. Весь наш бизнес порушат. Если в море – обоих. Хотя я и люблю деньги, но ими еще нужно воспользоваться. А это будет проблематично.

– А если их отпустить? Извиниться, дать денег? Мол, попутали, господин советник, прости бога ради! – сказал Василю, упершись глазами в пол. – Господин советник, вы как, не против?

– Он-то не против, – сухо ответил подручному Данеро, – только верить ему нельзя. Вдруг он обиделся и потом нам отомстит? Или того хуже – он поборник справедливости и решит, что нам не место на этом свете? Да на кой мне это? Нет уж, ребята. Отпускать его нельзя.

– Так что, валим его? – спросил третий бандит, мужчина лет сорока, со шрамом, пересекающим его левое надбровье и спускающимся до скулы. – Только это... девку жалко просто так валить. Попользуемся, а потом уже и завалим! Чур, я первый!

– Нет, – ласково осадил его Данеро, – у меня есть другой план. Гораздо более выгодный. Фиртан, у тебя на юге хорошие контакты? Ты же оттуда родом.

– Да, – понимающе кивнул тот. – Хочешь его Гортусу продать? Голова! Ну ты и голова, хозяин! Двух зайцев сразу убьем – и денег срубим, и поддержку будущего императора получим. А девку как заложницу подержим. Если этот чемпион заартачится – мы ее пополам порвем. Отдадим парням, они ее наизнанку вывернут. А он будет смотреть!

– Ну что, пора? Или еще послушаем дебилов? – передала Шанти. – Предвкушаю, какие у них будут рожи!

– Да вроде все что надо услышали, – пожал плечами Андрей. – Можешь начинать развлекаться. А я посмотрю. Только это... без огня, без эффектов, и побереги платье – ты в нем такая красавица! Не забрызгай мозгами. Стой! Погоди! Эту тварь оставь в живых. Мы его с собой заберем. Есть у меня насчет него одна мыслишка, рано ему умирать. Давай, пора... Стой! Этих тоже не убивай. Так, поколоти слегка, развлекись.

– Так, парни, пусть они пока посидят в клетках, а мы сейчас пойдем обсу... – Данеро умолк на полуслове. Глаза его вытаращились, как будто он увидел морского змея, спросившего, как проплыть к городской магистратуре. Ну скажите на милость, кто не ошалеет от такого зрелища?

Стальная клетка была сделана из длинных прутьев, перевитых между собой короткими. Толщина каждого прута примерно в мизинец – это сооружение точно удержало бы тигра или

льва. Или слона. Данеро не любил пускать дело на самотек и предпочитал перестраховаться – он не жаловал некачественные вещи. При всей патологической жадности для себя он приобретал лишь самое дорогое и сделанное на высшем уровне. За эти клетки ему пришлось выложить кругленькую сумму. Зато он был уверен, что решетки не подведут.

В них перебывало много «клиентов» – от приглашенных в гости конкурентов до потенциальных жертв грабежа, уверенных, что хозяин приглашает их на приватный разговор из уважения к их высокому социальному статусу. Как говорил Данеро своим приближенным – люки, отправляющие «клиентов» в подвал, уже не актуальны, прошлый век. Надо работать с душой, с выдумкой, чтобы все было красиво, но при этом эффективно.

Миленькая девушка, мечта извращенца, вдруг начала раздеваться. Она сняла с себя красивое шелковое платье, повесила его на спинку кресла, оставшись совершенно обнаженной, и, не обращая внимания на вытаращивших глаза мужчин, осмотрела себя со всех сторон, огладила крепкую грудь, колыхнувшуюся под напором ее ладоней. Потом сняла сандалии, соблазнительно изгибая стройное тело. Затем взялась за прутья решетки и почти без усилия дернула их в стороны.

Металл с жалобным стоном поддался, разойдясь, как если бы прутья были сделаны из картона, а девица, примерившись розовой гладкой ножкой, аккуратно пролезла в образовавшуюся дыру.

Секунда – и вместо нежной юной девы на полу стояла громадная черная кошка, размером с телегу!

Прыжок! – и один из бандитов, сообразивший, что надо бежать, был настигнут у двери.

Удар лапой! – и он врезается в створку головой, как будто его сбил грузовик. Андрей даже поморщился от громкого стука – в дверь словно запустили пластиковой бутылкой с водой.

Два совершенно незаметных удара – и два других бандита, потянувшихся за висевшими на поясе подобиями мачете, почему-то именуемыми здесь ножами, повалились как кегли, сбитые тяжелым шаром.

Данеро, обладавший быстрой реакцией и великолепной сообразительностью, за те секунды, что «кошка» расправлялась со своими врагами, сделал две вещи: сунул руку под столешницу – похоже, вызвал подмогу, – и второе – бросился к потайному ходу, открывшемуся за одной из стен.

Обои треснули под напором механизма, открыв сводчатый кирпичный коридор, ведущий куда-то вниз. Андрей хотел крикнуть, предупредить Шанти, но та успела перехватить негодяя прямо на пороге, зацепив его за одежду огромными когтями и отбросив к противоположной стене. Пролетев по воздуху метров десять, преступник впечатался в преграду с противным шмяком, будто огромная жаба, сполз вниз и остался недвижим, как труп.

– Эй, дорогая, аккуратнее! – заволновался Андрей. – Он мне нужен живой! Вот этих можешь терзать как хочешь, а его поаккуратнее!

Под «этими» Андрей имел в виду новых действующих лиц, которые ворвались в кабинет с оружием в руках, – пятерых одетых в кольчуги и шлемы бойцов с короткими, тяжелыми абордажными саблями в руках и двух арбалетчиков со стальными арбалетами двойного заряда.

Увидев громадную черную кошку, они на долю секунды оторопели, но к их чести – тут же бросились в атаку. Арбалетчики спустили курки, и тяжелые стальные болты полетели в «кошку».

Два из них Шанти смахнула лапой, как мошкарку, а два ударили ей в грудь, и, видимо, ощутимо, потому что она утробно заревела и бросилась вперед с яростным криком:

– Шкуру портить?! Чешую царапать?! Грязные твари!

Через секунду тела арбалетчиков валялись на полу. Драконица сорвала их головы с плеч, и они покатались по разным углам, как детские мячики.

Пятеро остальных попытались напасть на нее сзади, один даже успел опустить свою саблю ей на спину, отчего по всей комнате раздался скрежет, будто ножом провели по сковороде, но это был последний удар в его жизни.

Молниеносным движением Шанти буквально переломила бойца пополам. Остальные расстались с жизнью в течение двух секунд – за ударами драконицы мог уследить только Андрей, настолько они были молниеносны. В комнате наступила тишина, прерываемая лишь хриплым дыханием выживших бандитов, лежащих в бессознательном состоянии.

Андрей удовлетворенно осмотрел поле боя, потом ухватился за прутья и, дернув вверх, вырвал клетку из зацепов на полу. Выйдя наружу, подошел к распростертому на полу и прерывисто дышащему Данеро и внимательно посмотрел его ауру. У того был раздроблен плечевой сустав, переломы ключицы, трех ребер и костей ноги, а также сотрясение мозга. Андрей обернулся и погрозил кулаком «кошке», с довольным видом поглощавшей какое-то угощение с тарелки Данеро.

– Чуть не прибила паскудника! Я же тебе сказал – аккуратнее! Вот ты негодная! Развлекаться надо со смыслом! Слушать надо, что тебе говорят!

– Ну извини, извини, – ответила Шанти без всякого смущения. – Ну погорячилась. Больно уж шустро он удирал! Вот я и перестаралась. Но ведь живой же? Живой. Подлечи гада, и будет как новенький!

– Подлечу, не сомневайся! – буркнул Андрей и, вздохнув, приступил к лечению. Ему очень не хотелось этого делать, но... куда деваться. Этот человек был ему нужен. Впрочем, человек ли? Разве можно назвать таких тварей людьми?

Через пятнадцать минут черные и красные пятна в ауре бандита были сведены до едва заметного уровня, а цвет лица Данеро стал из землистого розовым, дыхание нормализовалось.

Проверив трех подручных трактирщика, Андрей остался доволен – побиты, но не сильно. Шанти била лапой с закрытыми когтями, так что они пребывали в банальном глубоком нокауте.

– Вот тут все в порядке! Что, не могла и с этим обойтись помягче? Иэххх... руконогая! Вот есть у нас пословица – «Заставь дурака богу молиться, он и лоб расшибет». Ты не пояснишь ее? А то я все думаю – о чем она?

– Ну хватит измываться! – буркнула Шанти. – Ну погорячилась – с кем не бывает? А сам-то, сам-то...

– Ну и чего сам-то? Расскажи, где я допустил такую ошибку? – вкрадчиво спросил Андрей, грозно глядя на «кошку».

– Не хочу. Настроения нет, – сварливо ответила та, опасливо косясь глазом на «брата». – И вообще, чего ты пристал? Думай, как доставить этих гадов во дворец. Ты же для того им жизнь сохранил? Чего-то от них хочешь?

– Сиди тут и стереги. Всех, кто сюда зайдет, глуши. Можно не до смерти. Или у тебя лапа может только убивать?

– Ты бываешь таким нудным! – закатила глаза драконица. – Таким вредным! Даже вреднее меня. Куда пошел? За охранниками?

– Само собой. Вначале хотел послать гонца, да передумал. Тут всего-то пара кварталов – сам добегу. Пока дождешься... Постой-ка... надо посмотреть, куда ведет подземный ход. Не хочу вытаскивать их на глазах у посетителей трактира. Нам лишний шум ни к чему.

– А чего такого? Может, кто-то возмутится... есть повод его выбросить в окно. Веселье будет!

– Нет! Я же тебе сказал – все должно быть тихо и мирно. Пока что тихо и мирно. Мне кое-что надо обдумать.

Потолок был низким – Андрею приходилось нагибаться, чтобы не задеть макушкой свод. И скорее всего, этот подземный ход был гораздо старше самого здания – кирпичи старые-пре-

старые, позеленевшие от времени, покрытые каким-то сероватым мхом. Освещения не было никакого, но Андрей великолепно видел в темноте, его глаза оборотня улавливали очертания коридора, круто забирающего вниз под углом почти в тридцать градусов, повороты направо и налево – коридор разветвлялся на три тоннеля, ведущих в неизвестном направлении.

Немного подумав и прикинув, в какой стороне порт, Андрей выбрал средний тоннель и ничуть не удивился, когда тот метров через сто пятьдесят выправился, стал пологим и еще через сто метров вывел в широкий канализационный тоннель, по которому городские нечистоты выливались в бухту.

Андрей пошел туда, где брезжил дневной свет, и скоро оказался за портовыми складами возле береговой линии. Тут орал чайки, хватая куски пищи, сконцентрированные в потоке дерьма, и бороздили океан акулы, занимавшиеся примерно тем же.

Вдохнув свежий морской воздух, особенно сладкий после путешествия по миру нечистот, Андрей быстрым шагом стал подниматься в гору, скользя подошвами сапог по глинистому склону, заросшему бурьяном и заброшенному различным мусором вроде подозрительных костей и драных тряпок.

Сержант и остальные охранники сидели в трактире, возле камина с потрескивающими в огне дровами, и весело смеялись какой-то истории, которую им рассказывал кучер. При виде Андрея они с готовностью встали, а сержант, отсалютовав, спросил:

– Прикажете во дворец? А где госпожа Шанти? Что-то случилось?

– Пойдемте со мной. – Андрей отвел сержанта в сторонку и объяснил, что тот должен сделать. Затем последовала команда, и солдаты дружно покинули трактир, оставив на столе допитые второпях кружки.

Через двадцать минут они были у канализационного тоннеля – Андрей показал место, сидя на облучке рядом с кучером. Оставив здесь небольшую охрану, отряд во главе с Андреем и сержантом вошел в трубу и, хлюпая ногами по вонючему содержимому, двинулся вперед. Солдаты матерились сквозь зубы, сослепу наступая на трупы животных, на мусор и утопая выше щиколотки в наслоениях ила.

Путь в комнату Данеро был потруднее, чем из нее, – пришлось идти вверх по тоннелю, осклизлому и покрытому плесенью, – двое солдат все-таки грохнулись, поскользнувшись, и едва не улетели назад, как по ледяной горке. Не без приключений, но они все-таки добрались до комнаты, где скучала Шанти, уже принявшая человеческий облик и развлекавшаяся тем, что время от времени тыкала саблей в совершенно голого мужика, стоявшего в клетке. Он жалобно завывал, а на его заднице виднелись следы многочисленных уколов, от которых тонкие дорожки крови тянулись до самых пяток. Отряд застал ее как раз в тот момент, когда она спрашивала:

– И как ты хотел меня насиловать? Вот этим отростком, что ли? А ты вообще им можешь чего-нибудь? Он тебе, такой маленький, и не нужен! Дай-ка я его отрежу... – Она деловито приподняла оный предмет острым концом сабли, пропуская его между ног супостата, и сделала вид, что сейчас же кастрирует негодяя. Негодяй завывал, и под ним уже образовалась вонючая лужа – от страха тот потерял контроль над функциями организма.

Завидев Андрея, Шанти слегка разочарованно убрала саблю, бросила ее на пол и доложила:

– Приходили еще двое – вон, в углу лежат. Живые. Может, их тоже захватим?

– А этот как здесь оказался? – с интересом спросил Андрей, разглядывая трясущегося человека в клетке.

– А он очнулся. Пришлось посадить в клетку. Позабавилась немножко, уж больно наглый был. И куда чего делось-то, когда оказался без штанов...

Сержант и солдаты, удивленно переглядываясь, посмотрели на «поле боя», полюбовались веселой и довольной Шанти, красиво отставившей ножку в элегантной сандалиии, а потом взялись за дело.

Их было десятеро, так что на каждого бандита пришлось минимум по два человека. С подручными Данеро Андрей приказал не церемониться, ни с живыми, ни с мертвыми, но его самого велел нести аккуратно.

Мертвых бандитов скинули в канализацию, где светились в темноте глаза крыс – сегодня у них будет пир. Живых – погрузили в карету, уложив штабелем, как дрова.

Данеро положили сверху, на трясущегося от ужаса голого бандита. Андрей лично предупредил этого человека, что если тот нагадит в карете – он сам отрежет ему голову. Бандит мелко и часто закивал, карета тронулась, поскрипывая, и, будто тяжело вздыхая под тяжелым грузом, покатила из порта по направлению к императорскому дворцу.

– Мы не собирали внеочередных сходов уже пятьсот тридцать лет. Мы собрались для того, чтобы обсудить важную проблему, назревшую практически мгновенно, на протяжении всего одного года. – Огромный черночешуйчатый дракон поднял уродливую, украшенную рогами голову и посмотрел на соплеменников.

Драконы спокойно ждали, никто не торопил, никто не кричал: «Давай! Не тяни! Ближе к делу!»

Черный усмехнулся – с одной стороны, это было хорошо: никто не нервировал, никто не теребил оратора, требуя немедленных объяснений, не призывал ускорить течение собрания, ссылаясь на дела. А с другой – раскатать драконов, заставить их принять какое-то определенное решение было задачей непростой.

Главным принципом принятия решений у драконов было: «Давайте подождем. Может быть, оно само как-то рассосется?» И как ни странно, частенько и рассасывалось, или... Вот об этом самом «или» знали немногие. Председатель Совета старейшин и его заместитель частенько действовали на свой страх и риск. Впрочем, какой риск? Что будет, если узнают, что они постоянно подправляют историю людей, устраивая заговоры и притормаживая развитие науки и техники? Хм... он частенько задумывался над этим вопросом. В Совете старейшин – может быть, и ничего, но остальные драконы...

Эти бездельники, парящие над морем и пикирующие на оленей в лесах и прериях, до сих пор пребывают в неведении по поводу того, кому они обязаны своим многотысячелетним ничегонеделанием. Попробуй им скажи, что договор не соблюдался ни одного дня. Что старейшины только и делают, что суют свою морду в людские дела. Что они уже давно живут среди людей, «очеловечились», и вообще давно предпочитают не парить над гладью моря, а жить во вполне комфортных условиях, с туалетом, водой из виадука, разнообразной вкусной едой и красивой одеждой. И не дай боже узнать всей этой массе простых драконов, что им нравится вершить людскими судьбами! Что нет большего наслаждения, чем видеть, как по твоей воле возникают и исчезают огромные государства, населенные сотнями тысяч и миллионами людей, как низвергаются или возносятся отдельные личности, через которых можно управлять этим скопищем двуногих тварей, гордо именующих себя «человек разумный».

Председатель прервал паузу, которая в человеческом обществе показалась бы странной, неприличной, и продолжил:

– У нас имеются сведения, что один или несколько драконов, не входящих в Совет, живут в человеческом обществе, вмешиваются в дела людей – притом на самом высшем уровне. Более того, рядом с этим драконом или группой драконов находится человек, владеющий знаниями, которые могут перевернуть жизнь людей, увести их от праведного пути, и, приняв эти знания, люди будут угрожать жизни и самому существованию драконьего рода. Вот тема, обсуждению которой мы и посвятим сегодня наш внеочередной сбор.

Председатель тяжело опустился на каменную плиту, возвышающуюся над полом пещеры на высоту драконьего роста, – место для произнесения речей – и, перекрыв каналы мыслесвязи, выругался про себя: сейчас бы он великолепно чувствовал себя в человеческом теле. Свободно, уютно. А вынужден пребывать в многотонной туше, носить которую отказываются его древние лапы и крылья. Давненько он уже не был в своем родовом теле. Обычно – или человеческое, или птица. И жить приятно, и летать легко.

Усмехнулся – вот бы узнали о его мыслях сородичи! Как бы они отреагировали? Заклеймили позором отступника? Честно говоря, он подозревал, а иногда и знал, что у его коллег, таких же древних монстров, как и он, со стотысячелетней жизнью, те же самые проблемы. Вот только признаться друг другу они не могут. Драконы невероятные индивидуалисты, трудно сходящиеся с другими драконами – если только не для зачатия, – а тут еще такие интимные размышления. Нет, исключено. Никто и никогда не признается, что ему надоело жить в драконьем теле и подобно дикому зверю охотиться за добычей.

Интересно было бы проследить, как проводят время остальные члены Совета, – можно поставить свою жизнь против чешуйки старой драконицы, что они болтаются где-нибудь в тепленьких местечках, возле людей, и прожигают жизнь по образу и подобию презираемых ими людишек.

Воцарившуюся в пещере тишину нарушила старая драконица, которая была старше всех в Совете, и, похоже, старше даже председателя. Она сказала:

– Ты нагнетаешь атмосферу страха. Никто и никогда не смог противиться воле драконов. Ты же утверждаешь, что вся наша жизнь висит на волоске. Вот я и думаю – для чего это тебе нужно? Что ты хочешь?

– Я что хочу? Да ты заигралась в человека, Натороканта! Тебе все время мерещатся заговоры, интриги! Я лишь хочу, чтобы все оставалось по-прежнему, как было!

– Я заигралась? – насмешливо хмыкнула старая драконица. – А не ты ли? Ты уже забыл, когда надевал свое родовое тело! Что я, не знаю, что ли? Вечно строишь козни людям и манипулируешь правителями! Тебе ли упрекать меня?

«Старая сволочь! Откуда она знает?! И *что* она знает?!» – подумал Даранаяс, но во всеуслышание как можно любезнее сказал:

– Давайте не будем сводить счеты, когда дело касается такого важного вопроса...

– Важного?! – снова фыркнула Натороканта. – Это для тебя важного! А мне в Островном королевстве плевать, что происходит в твоём провинциальном Балроне! Мне нет дела до него! И считаю, что нечего было тащить меня сюда! Только любовь к порядку, к традициям заставила меня прилететь на этот брошенный Богом остров, в затхлую Пещеру Совета! И ведь знала – ничего хорошего ты созвать не можешь! Я была против, когда тебя избирали. Ты не можешь сам решить даже такую простую проблему – найти какого-то там нарушителя договора и человечешку, изобретшего какую-нибудь чепуху. Не можешь сам устранить проблему, не хватает ума, и ты вытащил всех старейшин, чтобы показать свою несостоятельность как председателя! Не-е-ет... следующий выборный Совет через пятьсот лет, я буду настаивать на смене председателя. Я не вижу, чтобы ты мог и дальше эффективно возглавлять Совет. Какие-то истерики, запугивание, наведение тени на очевидные вещи. Я очень, очень разочарована в нашем председателе, старейшины.

Драконица замолчала, а Даранаяс, кипя от злости, нарочито спокойно сказал:

– Еще будут мнения? Или вы хотя бы поинтересуетесь, *что* именно изобрел этот человечешка, как выразилась наша самая *старая* старейшина? – Он специально выделил слово «старая», чтобы уколоть драконицу, намекнув, что она впала в маразм.

Но никто, даже она сама, не повелся на провокацию. Драконы молчали, и от них исходила волна равнодушия и скуки. Даранаяс сразу остыл и еще более спокойно добавил:

– Хорошо. Если Натороканта выразила всеобщее мнение, то я ставлю на голосование один вопрос: дает ли Совет полномочия председателю Даранаясу на то, чтобы по своему разумению устранить проблему с человеком, угрожающим существованию рода драконов, а также найти и покарать по своему разумению дракона, нарушившего договор о невмешательстве в дела людей без разрешения Совета старейшин. Начинаем голосование. Кто за разрешение? Один... два... пять...

– Скоро этот председатель будет ставить на голосование, раздавить ему насекомое на своем брюхе или нет! – злобно проворчала старая дракониха, но тоже подняла головной гребень в знак согласия на выдачу полномочий. Ей хотелось скорее убраться из этой дыры и залечь в благоуханную ванну во дворце монарха Островного королевства, где она играла роль не кого-то, а королевы.

– Итак, Совет единогласно принял решение. Если больше вопросов нет, Совет окончен. Уважаемые старейшины, запомните это решение и передайте его вашим преемникам, – произнес Даранаяс старинную формулу окончания голосования. – Старейшины могут покинуть Пещеру Совета – до следующей встречи!

Драконы медленно потянулись к выходу по длинному тоннелю, который потом будет запечатан председателем.

Через четверть часа в пещере остались только двое – Даранаяс и его приятель Хевессанор, с которым они вместе выросли и который был заместителем председателя и мог созывать Совет старейшин и ставить на нем вопросы, если председатель отсутствовал и его не могли найти. Правда, такое трудно было даже представить – но закон есть закон, положено так издревле. Совет не должен оставаться без главы ни секунды. «Не мы эти законы утверждали, не нам их отменять», – так думали драконы, самые консервативные существа в этом мире, а может, и в других мирах тоже.

Приятели выждали минут пятнадцать с того момента, пока не исчез последний дракон, затем Хевессанор радостно засмеялся:

– Ты гений интриги! Как ловко все обстряпал! Фактически ты получил полномочия на открытое вмешательство в человеческую жизнь, и ни одна сволочь не догадалась! Спасибо тому человечку, спасибо неизвестному дракону. Они нам помогли. Теперь можешь развлекаться без оглядки на Совет – разрешение у тебя есть. Может, ты сам возглавишь эту страну? А что – будешь императором. Хватит уже сидеть в тени. Хватит драконам прятаться, как крысы, по темным углам!

– Не забывай, – буркнул довольный похвалой Даранаяс, – есть еще сотни простых драконов, которые считают, что мы только и думаем, как соблюсти закон. Не нужно засвечиваться, не нужно, чтобы знали, что мы занимаемся тем, чем занимаемся, – пусть все идет так, как положено. Я и из тени сделаю все, что нам нужно. Кстати, люди слишком размножились, ты не находишь? Пора слегка уменьшить их количество. Что-то давно не было хорошей войны. На юге засел этот Гортус, надо бы ему помочь. Пусть он станет императором... в обмен на лояльность некоему обществу «Черных плащей». Вот как мы назовемся. Якобы есть такое общество людей-колдунов, и оно будет помогать ему. Будем рядом с ним, станем направлять его помыслы. Будет много, очень много крови...

– А что с тем человечком? Что с драконом-отступником?

– Сейчас сезон дождей – у меня нет желания летать в Балроне под струями воды. Отправляемся на юг, где сейчас посуше и хоть иногда выглядывает солнце, будем разговаривать с Гортусом, а как только дожди закончатся – вернемся и растопчем этого поганца с его изобретениями. А отступника найдем – как ты помнишь, он изображал мертвого императора... вот тут и таится какая-то интрига, и я хочу ее разгадать. Но потом. Сейчас главное – Гортус. Он должен идти на Балрон! Он должен взять трон. И мы должны сделать так, чтобы с ним ничего не случилось. У меня есть основания думать, что его попытаются убить. Это же напрашивается

само собой – если есть дракон-отступник, участвующий в интригах, то что ему стоит полететь к Гортусу и оторвать тому голову? Я бы так и сделал.

– А кто тебе мешает оторвать голову этому человечку? – задумчиво спросил Хевессанор. – Войти во дворец... р-раз! – и готово.

– Фу! Вульгарно. И неинтересно. Притом – зачем? Пусть он делает то, что делает. Мы успеем с ним покончить и выберем момент тогда, когда он не ждет. Пусть люди как следует покрошат друг друга, уменьшат поголовье... ну а там и мы вмешаемся.

– Все интриги плетешь, – с сомнением покачал головой Хевессанор. – А как же его изобретения? Угрожающие драконам и потрясающие мир?

– Да ладно тебе смеяться. Первый раз, что ли? Никто и не вспомнит этого изобретателя, когда он исчезнет. А в то, что он способен сделать что-то, что *реально* может повредить драконам, – я не верю. Это было сказано так, для этих дураков. Все, давай-ка полетели. Я проголодался, а нам еще лететь и лететь, да еще под этим демоновым дождем. Брр! Ненавижу дождь! Говорят, что наши предки вышли из морской пучины, – бред, вранье и наговор! Ненавижу воду.

Драконы выползли из пещеры, уперлись в огромный круглый камень в три человеческих роста высотой и перекатали его к дыре, закупорив ее как пробкой. Потом Даранаяс выпустил долгую струю пламени, оплавившую край скалы и край камня, соединив их в единое целое. Пещера была запечатана.

Неожиданно Хевессанор спросил:

– А почему мы тогда не поддержим этого человечка? Зачем нам Гортус? Честно сказать, я слышал, что человек-то он гадкий, подонок, одним словом. Так же можем устроить бойню, уничтожив войско Гортуса!

– Во-первых, *сами* мы ничего уничтожать не будем – открыто. Одно дело – под прикрытием ночи сжечь домишко вместе с его хозяином, а другое – целое войско. А во-вторых, против нас играет неизвестный дракон, аура которого не походит ни на одну знакомую ауру. Это не член Совета. И мне интересно, как он будет нам противостоять! Там дракон, и тут драконы, там армия, и тут армия. И... началась резня! Это будет забавно.

– Хм... ты все забавляешься, – хмыкнул приятель, – уже десятки тысяч лет плетешь интриги и сталкиваешь людей лбами. Не надоело?

– Глупец! Это единственное, ради чего стоит жить, – интрига, власть над живыми существами! Иначе что остается? Животное существование? Жрать, пить, совокупляться подобно этим тварям, именующим себя людьми? Это не для драконов. Это удел животных. Это не для меня.

Через минуту со скалы, нависающей над бушующим морем, сорвались две большие птицы и понеслись на юг, рассекая воздух и струи дождя своими мощными крыльями. Они не отличались от других таких же птиц, но горе тому хищнику, который попытался бы встать на их пути, и горе всем, кто соберется помешать их полету...

Глава 3

Длинная каменная лестница вела вниз, в подземелье, откуда несло замогильным холодом и сыростью, со смесью запахов человеческих нечистот, мышиного дерьма и дешевой похлебки, которую варили для заключенных из потрохов и костей, вываривая до состояния клейстера. Андрей давно хотел заняться ревизией и реформированием мест заключений, но руки так и не дошли. Некогда. И без того дел хватает. Кроме того, заключенные тут надолго не задерживались – раз-два, и полетела голова, или задержался человек на веревке в веселом танце, удобряя место под виселицей своей кровью и выделениями, чтобы мандрагоре хорошо рослось.

Впрочем, про мандрагору – легенда. А вот про виселицу – нет. Хотя за то время, что Андрей был у власти... что Антана была у власти! – не было ни одной публичной казни. Двух преступников казнили, да, – один был растлитель и убийца, долгое время насилующий свою падчерицу и убивший жену, чтобы жениться на молоденькой «дочке», второй – грабитель, вырезавший семью купца.

Некоторое время назад, после мятежа, все камеры были забиты, но быстро освободились – кого повесили, кого отправили на принудительные работы (читай: на каторгу), а кого-то выпороли и отпустили. Теперь в камерах было почти пусто – не сезон, так сказать. Эти камеры использовались лишь для особо опасных преступников, «тяжеловесов». Воры, грабители, насильники и хулиганы располагались в другом крыле здания стражи, в общих камерах, ожидая скорого суда. В Балроне не принято было держать преступников по нескольку месяцев и кормить на дармовщинку помоями из тубухи.

Стражник у двери погремел ключами и, взяв фонарь, сопровождал советника к камерам допроса, почтительно освещая ступеньки и предупреждая о порожке, споткнувшись о который знатный вельможа может упасть. Андрей вежливо поблагодарил, хотя никакого фонаря не было нужно – видел он в темноте лучше кошки.

Обитая железом дверь раскрылась без скрипа, и он оказался в большой комнате, где горел очаг, вделанный в стену. Андрей слегка порадовался распространяемому очагом сухому теплу и сел так, чтобы видеть, как горят поленья. В комнате находились Федор и первый инквизитор Акодим. А еще палач – невысокий мужчина с кудрявой седоватой головой – и Данеро, привязанный к высокому креслу, напоминающему электрический стул.

– Наконец-то! – проворчал Федор. – Ты где запропастился? И вообще, зачем ты меня сюда позвал? За компанию, что ли? Кто этот тип?

– Да, Андрей, кто этот тип? – прогудел Акодим, потирая огромные руки. – Ну и холодище здесь внизу, как на севере! Хоть вина бы горячего наливали, что ли.

– Налить вам, господин инквизитор? – оживился палач. – У меня есть! Вон чайничек греется – со специями, вкусно!

Акодим некоторое время боролся с искушением, потом махнул рукой – давай! – и палач с готовностью налил ему исходящей паром темной жидкости в глиняную кружку. Посмотрел вопросительно на Андрея – тот отрицательно мотнул головой, и палач снова поставил чайник к огню. Федору почему-то не предложил, видимо, не счел его достойным драгоценного напитка.

По камере сразу разлился запах пряностей, и Акодим с удовольствием крикнул, отпивая из кружки. Посмотрел на Федора и протянул ему:

– Хлебни, вкусно! Затрис умеет делать горячее вино. А кроме того – узнавать правду у тех, кто ее не хочет говорить. Так что, Андрей, зачем нас сюда позвал? Что это за тип?

– Трактирщик это, – невозмутимо пояснил Андрей, – только своеобразный трактирщик. Насколько я понял – довольно-таки одиозная личность. Когда я его взял, считал, что у него просто бандитский притон. Но мы тут с Ша... в общем, допросил я его подручных, и что выяснилось: этот вот божий одуванчик – глава самой крупной, если не единственной в Анкарре

преступной корпорации! Все, кто промышляет в городе, платят ему дань. Это своеобразный ночной император столицы. Можете в это поверить? Я – с трудом. Не похож он на главара преступного мира.

– Так-так... – задумчиво протянул Федор. – И похоже, что ты взял его с собой... дай-ка догадаюсь... собираясь обобрать до нитки. Верно?

– Верно. Но перед этим надо было выяснить, кто он такой. Поговорить с его людьми. Как это такие головорезы его слушаются, да еще и боятся как огня. И много чего они рассказали... но не всё. Не всё. Они и не могут знать всё. Например, где хранятся его деньги.

– А я зачем здесь? – разочарованно спросил Акодим. – Думал, сейчас исчадие будем терзать, допрашивать, а этот уголовник мне неинтересен. На кой демон он мне?

– Ну... может, тебе будет интересно – связан ли он с исчадиями или нет, – пожал плечами Андрей.

– Если бы узнали, что связан, тогда бы и позвали. У меня и без него дел полно – вон сегодня три инквизитора пришли с жалобой, что их плохо приняли в провинциальных приходах и чуть ли не взащей вытолкали прочь. Нужно разобраться, что происходит, не влияние ли это исчадий или же слабость инквизиторов, которые не умеют себя вести. А кроме этого...

– Иди, иди! – махнул рукой Федор. – Андрей, отпусти его! Пусть идет, а то плешь тут проест своим нытьем.

– Иди, Акодим, если что будет дельного – я тебя приглашу, – согласно кивнул Андрей, и Акодим широкими шагами вышел из комнаты, оставив друзей наедине с палачом и преступником.

Тихо потрескивали дрова, исходил паром чайничек палача, а Данеро с ужасом смотрел на разложенные перед ним инструменты, напоминавшие хирургические. Тут были и зацепы, захваты различных видов, и всяческие иглы, щипцы, молотки, стамески... Все блестящее, начищенное, красивое.

Палач перехватил взгляд Андрея и с гордостью сказал:

– По специальному заказу делали! Большие деньги отдал! Зато не ломаются, всегда острые и при нагреве остаются твердыми, не то что обычные. А то, бывало, накалишь щипцы докрасна, схватишь клиента за кость – а щипцы-то и гнутся! А эти нет – говорят, в нее драгоценные камни добавили, в сталь эту.

– Вынь кляп у него изо рта, а то сейчас подавится, – поморщился Андрей. Разглагольствования палача были ему неприятны. Он понимал, конечно, что это тоже работа и что палачи обществу тоже нужны, но не собирался общаться с этими людьми или пить их вино. И ничего с собой не мог поделать. Впрочем, и не хотел.

Палач семенящей походкой подошел к бандиту и вынул у того изо рта кляп, скрученный из грубого холста. Кляп был мокрый, слюнявый, но палач рачительно осмотрел его и положил на полочку у входа.

– Потом сполосну, и снова можно использовать. Без споласкивания он протухнет, завоныет, а так можно его много раз применять. Экономия! Расточительность нигде не приветствуется. А у меня всегда порядок в хозяйстве. Ну что, господин советник, мне его слегка подрезать, чтобы говорливее стал? Давайте я ему откушу подушечки пальцев на руке. Оно и не сильно изувечит, но воздействие на настроение клиента оказывает очень сильное – большинство сразу начинают говорить, как видят свои белые косточки. – Палач радостно захихикал, Андрей же нахмурился и отвернулся.

Данеро сидел бледный, явно обдумывая ситуацию. Потом хрипло спросил:

– Сколько?

– Все, что есть, – подумав, ответил Андрей. – Сколько у тебя есть?

– Трактир. В трактире тысяч семь. Все. Я все отдам, только отпустите. И буду платить вам пятьсот золотых в месяц. А еще – любые девочки. Бесплатный стол. В любое время. Кроме того, специальные услуги – наемные убийцы, найду для любых дел. Все, что хотите.

– Все? А тогда чего ты нас потчуеть всякой чушью? – жестко спросил Андрей. – Палач, ну-ка, отрежь ему палец.

– Какой? – деловито осведомился палач, взяв с подноса блестящие кусачки, способные перекусить и руку. – Ты какой рукой пишешь, болезный? Говори сразу, чтобы потом не жаловался, что подписать ничего не сможешь.

– Андрей, ну на кой демон ты меня сюда пригласил? – скривился Федор. – Не хочу я смотреть на это!

– Все вы чистоплюи, – пробурчал Андрей, – а кто кричал, что денег на армию нет, что надо что-то придумать, что я не понимаю, вероятно, как это важно, чтобы солдаты получали жалованье. Ну вот, так добываются деньги. Один из способов. Когда я пишу записку в казначейство и тебе деньги передают – это нормально, да? Они не пахнут, правда? А когда вот так, в подвале... чуешь? Стой, палач, пока не надо.

– Чую. Воняет. – Федор встал и пошел к двери. – Извини, я здесь не останусь. Я понял тебя – деньги пахнут кровью. Но я ничего изменить не могу, солдаты хотят получить жалованье.

– Скажи тюремщику, что я распорядился привести того типа, что привезли последним. Шагай.

Федор четко, как на плацу, повернулся и вышел из камеры, держась прямо, будто кол проглотил. На душе у Андрея было хреново. Он и сам не знал, зачем пригласил Федора. Возможно, для того чтобы было легче делать то, что он наметил. Вроде как, если переложить часть груза на плечи друга, самому станет легче. Нет, это не тот груз. И стало ему гораздо тяжелее.

Дверь распахнулась, и в камеру, подпихнутый в спину сильной рукой тюремщика, влетел человек с кудрявыми волосами, торчащими густой шапкой. Он дико огляделся по сторонам, заметил привязанного к креслу Данеро и плюхнулся на колени.

– Прости, хозяин! Я боюсь боли! Кто-то им сказал, что я твой бухгалтер, они меня захватили и привезли сюда! Я все рассказал! Прости!

– Хватит ныть, – презрительно-спокойно сказал Данеро. – Господин советник, что на самом деле вы от меня хотите? Деньги? Я отдам все, что есть. Еще что? Ведь вы не только денег хотите. Или вернее – не только те деньги, что у меня есть. Я понимаю, попался и должен заработать свою жизнь. Это нормально, это понятно. Так что я должен?

– Палач, забери этого, – Андрей указал на кудрявого человечка, валяющегося у него в ногах, – и выйди вместе с ним. Дверь прикрой плотно. Узнаю, что подслушиваешь, – уши отрежу. А я узнаю.

– Обижаете, господин советник! Что в мои уши вошло, там и умерло! Вы бы знали, сколько государственных тайн я выслушал – были бы очень удивлены, очень! И никто ничего не узнал. Ваше недоверие меня даже обижает...

– Вон отсюда! – рявкнул Андрей. – Еще слово, и ты на себе испробуешь свои инструменты!

Палача как ветром сдуло. Подхватив бухгалтера, он выскочил за дверь, плотно закрыв ее за собой. Андрей и Данеро остались одни.

Противники внимательно смотрели друг на друга. Каждый был умен и умел добиваться своего. И каждый знал, когда следует идти вперед, а когда надо отступить, потому что проиграл и дальнейшие действия лишь ухудшат ситуацию. Сейчас проиграл Данеро. И должен платить по счетам. Это он понимал четко. Как понимал и то, что, пока он жив, еще не все потеряно. А если будет мертв... в общем, понятно.

– Ты отдаешь мне все деньги, что у тебя есть, – негромко начал Андрей. – За исключением тех, что нужны на содержание трактира. Насколько я знаю, у тебя около трех миллионов. Далее. Ты отписываешь казне все дома и земли, что у тебя имеются. Это еще на два миллиона. По рыночной цене. А она упала. Далее. Ты каждый месяц отдаешь мне девяносто процентов денег, полученных от преступного промысла. Я приставлю к твоему бухгалтеру своего бухгалтера, и он будет проверять все счета. Кроме того, я лично буду тебя допрашивать, и, поверь, у меня есть возможность узнать – врешь ты или нет. Кроме того, я буду давать тебе задания, которые ты должен выполнять, – это сбор информации, это услуги убийц, это любые услуги, которые я у тебя потребую. Ты мой. Ты труп. Но пока живой. Но если ты сбежишь – я найду тебя везде. Клянусь. И разорву на части. И еще – мне нужен контакт с пиратскими капитанами. Я готов предложить им службу, дав грамоту, разрешающую грабеж судов южных магнатов. Пятьдесят процентов награбленного – мои. Корабли не топить, это моя собственность. Насколько я знаю, пираты в большинстве случаев не связываются с захваченными кораблями – негде ставить, больше проблем, чем выгоды. Так вот, приведет в порт – получит вознаграждение. Договоримся какое.

– Какие-то запреты? – хмуро спросил Данеро. – Вряд ли такой господин, как вы, боящийся замарать руки, не поставит какие-нибудь запреты на мою деятельность. Обязательно найдется что-то, что вам не по нраву.

Андрей встал, задумчиво прошелся по комнате, заложив руки за спину, остановился рядом с Данеро, постоял, покачиваясь с носка на носок, и вдруг нанес два хлестких удара в лицо пирата, сломав тому нос и разбив губы. Хлынула кровь, обильно залив рубаху ошалевшего от боли бандита, он обвис в кресле. Придя в себя, он поднял голову и, хлюпая носом, из которого текла струйка крови, спросил:

– Зачем?

– Чтобы не забывал, с кем разговариваешь. А еще – чтобы знал, что я не боюсь запачкаться в крови. Теперь ты это понял?

– Понял, – согласно кивнул Данеро, с опаской следя за руками этого странного человека. За последние тридцать лет он был единственным, кто напугал его до глубины души. Данеро даже на секунду показалось, что странными желтыми глазами советника на него смотрит демон из ада...

– Это хорошо, что понял, – удовлетворенно кивнул Андрей и, коснувшись ауры трактирщика, остановил кровотечение, зарастив сосуды в носу. Потом резко дернул того за нос, с хрустом поставив сломанные хрящи на место.

Данеро взвыл от слепящей, палящей как огонь боли, но Андрей не обратил на его вопли никакого внимания. Он даже не стал отключать у того боль – пусть почувствует то, что ощущают его «клиенты». Снова аура – и через несколько минут нос был снова цел и невредим. Если бы не залитое кровью лицо и рубаха бандита, можно было бы сказать, что ничего не случилось.

– Запрет: никакого убийства и пыток девушек. Узнаю, что ты снова поставляешь девушек эти подонкам, – убью. Мучительно и страшно. Вот так. – Андрей протянул руку к ауре Данеро, и тот вдруг ощутил дикую, страшную боль в теле, как если бы он превратился в одну разверстую рану, сочащуюся кровью.

Андрей задержал боль на несколько секунд, всего на пять или семь, но за это время Данеро чуть не умер от сердечного приступа, настолько сильны были страдания. Он обмочился, тяжело дышал и был совершенно сломлен. Его дикий крик, вероятно, достиг самого верха, так жутко он кричал.

Андрей подошел к двери и, приоткрыв ее, крикнул палачу:

– Иди сюда!

Палач вошел, ревниво оглядел свое рабочее место и с легким укором сказал:

– Ну зачем вы утруждали свои рученьки, господин советник! Я бы так поковырялся у него в носу, что и нос был бы цел, и до конца жизни он помнил бы о боли, что я ему причинил! Давайте я вам полью на руки, вы испачкались! А здорово вы его приложили, он так кричал, любо-дорого послушать! Просто песня! Нам у вас еще поучиться надо!

Андрей едва не ударил угодливо хихикающего палача. Похвала из его уст – палач констатирует, что готов у него поучиться, как пытать людей! – это ли не ужас?!

И в который раз он задал себе вопрос: «Все ли верно я делаю? Так ли я должен поступить?» – и в который раз ответил, что не видит другого выхода.

– Пойди к тюремщику, пусть вызовет судью и двух свидетелей-стряпчих. Будем писать документы и заверять их. И еще – отмой ему морду...

Андрей вышел из камеры – ему ужасно хотелось вдохнуть свежего воздуха, пусть даже это воздух пополам с мелкой дождевой взвесью. Ему было тошно.

Судья прибыл через полчаса – востропанный, с ошалелыми глазами. Похоже, его вырвали прямо из-за обеденного стола, потому что на его бороде повисли крошки печенья, а губы лоснились, как будто он только что ел что-то жирное. «Впрочем, может, он и всегда такой неряшливый», – подумал Андрей, ощутив запах еды, впитавшийся в одежду судьи. Еды и едких чернил, пахнувших спиртом и краской.

– Приветствую вас, господин советник! – Судья низко поклонился и махнул рукой своим спутникам – молодым парням с письменными принадлежностями в руках. – Быстрее, быстрее! Не заставляйте ждать! Господин советник очень занят, да и я не просто так болтаюсь по улицам. Бездельники!

Через час все было закончено. Бумаги, подтверждающие перевод денег со счетов Данеро в казну, купчие на землю и дворцы – все было готово. Остальное, укрытое в тайниках под трактиром, Данеро обязался отдать по первому требованию.

Требование было высказано незамедлительно, и трактирщик в сопровождении Федора и нескольких гвардейцев, переодетых в штатское, отправился потрошить захоронку.

Федор пытался было протестовать, дескать, генералу гвардии не пристало ездить по прифонам выкапывать сокровища, но потом смирился – и правда, кому еще можно было доверить столь деликатное поручение? Люди падки на деньги, и подвергать их испытанию сокровищем стоимостью семьсот тысяч золотых было бы неправильно. Потом лови, отнимай... без этого дел хватает.

Отправив Федора, Андрей побрел во дворец, благо, что он располагался недалеко от управления стражи. Конечно, советнику императрицы не пристало бродить по улицам, как простому солдату, но Андрею было плевать на статусность. Он устал от всех этих условностей, и ему очень хотелось просто посидеть где-то в трактире, выпить кружку пива и послушать музыканта, заунывно тянущего балладу о приключениях отважного героя и о его неразделенной любви.

Увы, и этого он не мог себе позволить. Последний раз, когда он собрался это сделать, получилась история с Данеро. Впрочем, окончившаяся довольно хорошо. Вовремя пришли эти деньги, хотя это и была капля в море. На неделю-две заткнуть дыры. Остальные доходы от преступной деятельности трактирщика поступят еще очень не скоро.

Андрея аж передернуло от этой мысли – государство, живущее на доходы от преступной деятельности, от которой оно должно оберегать граждан! Это ли не фарс? Это ли не лицемерие? Он усмехнулся – а что, деятельность государства, в котором он жил до попадания сюда, можно назвать *не* преступной? На его взгляд, государство постоянно грабило своих граждан. Денежные реформы, дефолт, грабительские налоги и поборы чиновников – это ли не грабеж? Ну да, так откровенно, заставляя преступников платить налог со своей преступной деятельности... так – нет. Хотя... нет? Разве нет?

Гвардейцы у входа во дворец отсалютовали, четко вытянувшись и взяв ружья «на караул». Андрей кивнул – Федор муштрует солдат, гоняя по плацу как проклятых с утра до ночи. Но результаты есть. Исчезла расхлябанность, исчез этакий налет анархизма, присущий ранее элитным частям, прикормившимся возле императора. Пить, драться, распутствовать – вот была их главная задача. Правда, после начала реформы армии сбежало процентов двадцать тех, кто пришел лишь за званием и красивой формой, сынки богатых родителей. Их объявили в розыск, как дезертиров, заочно приговорив к наказанию. Но они скрылись где-то в провинции, у родственников, и власти некогда было заниматься поиском беглецов. После. После войны. Все теперь откладывалось на «после войны». А она дышала в затылок...

Длинный коридор, посты гвардейцев, спрятанные за портьерами. Паркетный пол с прихотливым узором, натертый до блеска так, что по нему стыдно было идти в грязных, забрызганных водой из луж сапогах.

Антана удобно полулежала в широком кресле у камина, напротив нее устроилась Шанти. Они играли в «лис и зайцев» на доске, похожей на шахматную. Впрочем, эта игра и была вроде шахмат. Антана научила Шанти, и они целыми днями сидели за доской, иногда споря до хрипоты – Шанти норовила сжульничать и очень сердилась, когда ее на этом ловили. Играли они с переменным успехом, хотя Андрей подозревал, что Антана специально поддается, чтобы драконице не было обидно. А еще – чтобы та не бросила играть. Неинтересно же все время проигрывать, а у Шанти практически не было никаких шансов – Антана играла в эту игру с детства, отец научил.

– Кто выигрывает? – устало спросил Андрей, целуя Антану в щеку и усаживаясь в соседнее кресло.

– Анташка! Она чего-то жульничает! Я не знаю как, но она придумала какое-то свинство и меня обыграла! Все, не буду сегодня больше играть! – Шанти скинула фигурки зверей с доски и раздраженно фыркнула. – Дурацкая игра! Типично людская! Она слишком глупая, чтобы мой мозг мог опуститься до такого безобразия!

– Да-да... человеческий мозг не идет ни в какое сравнение с мозгом мудрых драконов, – с готовностью кивнула Антана. – Это мудрое племя не может опуститься до этой дурацкой игры, его занимают более важные, мировые проблемы... да-да...

Шанти ловко запустила в Антану пирожком с ягодами, Антана выхватила его из воздуха, внимательно осмотрела и откусила кусочек, но тут же отложила в сторону и вздохнула:

– Не буду. Полнею. Надо мучного меньше есть.

– Да чего ты ерунду говоришь! – Шанти лениво облокотилась на подлокотник кресла и, закинув на другой свою длинную ногу, высвободила ее из-под платья практически до пояса. – Тебе надо есть побольше, чтобы создавать младенца! Не будешь есть – младенец будет хилым. Ешь, ешь пирожок.

– Шанти, благовоспитанные леди так не сидят, – прищурил глаз Андрей. – Убери ногу с подлокотника и спрячь ее под платье. И вообще, почему ты не носишь белья? Если уж ты сделала себе все как у людей, какого демона ты этим сверкаешь на глазах у собеседников?

– Да чего такого-то?! – раздраженно парировала Шанти. – Тут все свои, никого чужого. А если бы я не сделала все как у людей, кто-нибудь бы случайно увидел – служанка, например – и мог бы заинтересоваться, почему это у девушки нет пупка или...

– Ладно-ладно! – перебил ее Андрей. – Хватит откровений.

– Ну ты же спросил. Тебя же очень интересует, что у меня там под юбкой! – продолжала упорствовать Шанти. – Белье не ношу потому, что оно давит! Неприятно! Может, тебя интересуют еще какие-то подробности моего строения или процессов жизнедеятельности...

– Вот это меня интересует меньше всего, – вздохнул Андрей. – Анта, она чего, опять в депрессии? Чего такая ядовитая?

– Она проиграла пять раз подряд, вот и психует, – сообщила императрица, не обращая внимания на возмущенное фыркание драконицы. – А не надо заявлять, что люди суть глупые создания, что они плохо соображают и что им нужен поводырь из мудрых, осененных веками, красивых существ.

– Это она про себя, похоже на то, – невозмутимо кивнул Андрей. – А что, в этом облике она красива, да. Ничего против не имею. А как наденет свою настоящую личину – преступники в штаны делают от страха, не то что простые люди. Что касается мудрости... Тебе рассказать, чем она развлекалась в трактире, когда я пришел? Она тебе еще не похвасталась?

– И чего, и чего? – захихикала Шанти. – Ну попугала негодяя, так живой же! Зато больше не будет девушек обижать. Впрочем, для верности следовало бы откусить ему голову... но тут уж ты мешаешь наказывать супостатов как следует. Кстати, как я поняла, теперь ты сам глава преступного мира столицы. Не жмет корона из дерьма?

– Умеешь ты испортить настроение, – скривился Андрей. – Да, я теперь глава преступного мира! И все деньги, кровавые, грязные, будут течь в казну! Почти все... надо же что-то оставить им на развод, иначе вообще ничего не получим. За один страх никто работать не будет.

– Работать? – недоуменно переспросила Антана. – Это – работа? Грабить людей? Отнимать заработанное? И мы на эти грязные деньги будем жить? Я не хочу таких денег, Андрей. Это черные деньги. А гадов, которые воруют и грабят, надо вешать!

– Согласен, – вздохнул Андрей. – Но нам надо выбирать между плохим и очень плохим. Если мы не добудем денег, все, что я задумал, пойдет прахом. Погибнет много людей. Подожди еще, это не все плохое, что я сделал. Будет хуже.

– Что ты задумал? – настороженно спросила Антана.

– Задумал. Пока не скажу. Меньше знаешь – крепче спишь. Тебе нельзя волноваться. Как ребенок?

– Толкается! – просияла женщина. – Так-кой шустрый, это что-то! Скоро, скоро... Задержка. Повитухи говорят – бывает.

– Врут они всё. Может, просто срок посчитали неточно. Я-то помню, когда мы с тобой первый раз...

– Эй, а ничего, что я тут слушаю о ваших совокуплениях? – возмущенно буркнула Шанти. – Вы на меня уже, как на мебель, совершенно внимания не обращаете! Как мне ножку выпростать из-под платья, так целая лекция о непристойном поведении, а сами обсуждают подробности своих постельных утех! Да ладно, ладно, я пошутила – чего такие рожи-то скорчили? Как дерьмо увидели! Так, молчать! Ни слова! А то обижусь! Лучше расскажи, о чем ты там с этим подонком договорился.

– Я же сказал – будем его доить, как корову, под страхом смерти. Буду забирать у него девяносто процентов денег, отнял три миллиона – теперь есть чем заплатить армии и стражникам. Меня выведут на пиратских капитанов – дам им грамоты, что теперь они пиратствуют от нашего имени, будут грабить корабли южан, плывущие под флагом Гортуса. Пятьдесят процентов добычи наши. Пока все нормально, в общем.

– Ты думаешь, получится с пиратами? – с сомнением покачала головой Антана. – Они с твоей грамотой будут грабить всех подряд. А когда их прихватит береговая стража – скажут, что это распоряжение императрицы, что они грабили только корабли Гортуса. И опровергнуть их слова будет некому. Знаешь, почему некому? Все, кто смог бы опровергнуть, будут на дне морском. Или ты заранее миришься с таким положением? Андрей, ты ведь знал, что так будет, да? Что они будут грабить всех подряд? Ты понимаешь, что перевозки по морю тогда будут парализованы напрочь? Это ты вроде как налогом обложил купцов? Предсказываю тебе: никто не поедет больше по морю. Все будут тащиться по грязи. Или не поедут вовсе. Вот результат этой операции. Пока пиратов как-то сдерживала стража, пока они боялись – большинство

кораблей проскакивало, а ты же знаешь, что в сезон дождей другого транспорта, способного доставить груз в приморские города, нет. Рвать колеса в грязи и уродовать лошадей не хочет никто. Торговли просто не будет.

– Умная сестренка, – кивнула Шанти. – Уже не так обидно, что она меня обыграла. Дело говорит. Ты думал над этим? Или тебе важнее сорвать денег именно сейчас? Сей момент? А потом что?

– Потом может и не наступить, если мы не добудем денег, – буркнул Андрей. – Знаю я все. И знаю, что контроль над пиратами иллюзорен. Как узнать, сколько и чего они награбили? Сколько процентов отдали нам, а сколько заныкали по тайникам? Впрочем, это-то можно узнать, на то есть агенты... Кстати, сестренка, не хочешь заняться работой? Поработать, так сказать, для людей, для общества, для нас с Антой?

– На людей и общество мне плевать, – невозмутимо констатировала Шанти, – а вот для вас... Негодяи вы, конечно, обижаете меня... не любите... не хвалите, не приласкаете никогда... но – я не против. Чего надо делать? Кому-то голову откусить? Ноги-руки оторвать? Я всегда готова!

– Ну... я не знаю... – Андрей сделал вид, что сомневается, – могу ли я предложить тебе это дело... оно сложное, грязное... не все могут это сделать...

– Что, носки твои постирать, что ли? – хмыкнула Шанти. – Да, это страшное дело! Вряд ли я на него сгожусь! Тут нужен смелый человек!

– Нет, не носки, – мягко продолжил Андрей, – мне нужен начальник тайной службы, который организует сеть соглядатаев, шпионов, доносчиков, наемных убийц, интриганов и шантажистов. Федор на это не годится. У меня нет времени, хотя мне и приходится этим заниматься. Дело очень, очень сложное, и тут нужен умный начальник, не гнушающийся ничем, но верный мне, как... ты. Я вспомнил, как ты преследовала бандитов по улицам города, устраивала засады... ты же готовый тайный агент! А то, что ты можешь принимать любой облик, просто великолепно. И убить тебя очень трудно, почти невозможно. Так что скажешь?

Шанти молчала, что не удивило Андрея. При всей ее безалаберности и хулигански-независимой натуре на самом деле она была очень ответственным существом. Если уж она даст согласие, то будет работать не за страх, а за совесть. Это точно. И еще – она умрет, но не предаст его. Это он знал наверняка.

Молчание затянулось, и Антана нетерпеливо переменяла позу, прижав руку к животу. Андрей встрепенулся:

– Что, началось?!

– Нет. Пока нет, – с вымученной улыбкой ответила императрица, – но скоро. Очень скоро. На днях. Скоро, сестричка, станешь теткой. Будешь нянчить Андрюшку?

– Почему Андрюшку? – удивился Андрей. – Вы уже имя ему подобрали? А меня спросили?

– Да чего спрашивать-то? – фыркнула Шанти. – Не ты же вынашиваешь! Тебе чего – сунул, брызнул – и пошел себе! А ей таскать в животе! У нас самка дает имя ребенку. Самцы улетают и знай себе болтаются на охоте. Чего им? Дело-то сделал!

– Фу, гадость какая! – буркнул Андрей. – Ты в своем репертуаре. Ляпнешь так ляпнешь. Ну Андрюшка, значит, Андрюшка. А чего, хорошее имя. Кто предложил?.. Понятно. Почему-то я так и подумал.

– И будет у меня два Андрея, – улыбнулась Антана. – Большой и маленький.

– И оба – дети, – хихикнула Шанти. – Без надзора им никак. Хорошо. Буду я твоей начальницей тайной стражи. Но чтобы жалованье и прочее, все как у людей! Дворец мне дашь, слуг – иначе странно будет, что я живу вместе с вами. Да и принимать людей где-то надо. С чего начнем?

– С информаторов у бандитов. Подумай, как это сделать. И еще – подумай, в каком виде будешь к ним приходить. В этом же? Или применишь более незаметный вид?

– Не суть важно, – отмахнулась Шанти, – какой надо, такой и приму. Я их запугаю, тварей. Они медяк лишний будут бояться заныкать! А что – забавно, да. Мне нравится. Спасибо, братец, за развлечение. – Она довольно улыбнулась своим мыслям и встала с кресла. – Кое-какие задумки у меня уже есть. Ты отпустил этих троих, подручных Данеро? Ага. Вот с них и начну. А что касается пиратских кораблей, подкину тебе мыслишку – а почему бы тебе вообще не искоренить пиратство, вооружить корабли стражи новым оружием и самому не заняться грабежом судов Гортуса? На кой демон тебе эти пираты сдались? Проходимцы и мошенники?

– Вообще-то я собирался это сделать в дальнейшем, – признался Андрей, – но только тогда, когда пираты отдадут мне призовые корабли. Оснастить их, вооружить... и вперед!

– Ты лучше ограбь этих тварей, отбери корабли, а их перевешай! И будет спокойнее, и будет развиваться торговля, и налогов пойдет побольше. И флот будет! Учись, братец! Видишь, как хорошо, когда у тебя умная сестричка?

– Иди, умная сестричка... подальше, – ухмыльнулся Андрей и серьезно добавил: – Я подумаю над твоими словами. Мне кажется, тут ты права.

Шанти выпорхнула из комнаты – Андрей не стал спрашивать, куда она направилась. Пусть сама решает, как справиться с заданием. Если что – он подправит.

Антана пристально посмотрела на него:

– Тебе не кажется, что мы все больше куда-то погружаемся, опускаемся? Как в болото какое-то?

– А ты что хотела? – хмуро ответил Андрей. – Так не бывает, чтобы влезть на самый верх и не измазаться. Подожди немного, все наладится.

– Сколько – немного? – погрузилась императрица. – Все так хрупко... построено на лжи, на грязи. Получится ли то, что ты задумал? Стоят ли жертвы результата?

– Стоят! – убежденно заявил Андрей. – Я ведь хочу только добра...

Карета остановилась перед высоким двухэтажным домом, у ворот, украшенных позолоченными фигурами: воин, побивающий какое-то легендарное чудовище, напоминающее дракона.

Андрей усмехнулся – Шанти непременно что-нибудь сказала бы по этому поводу. Какую-нибудь необычайную гадость. Но ее не было – уже три дня она исчезала с таинственным видом, ничего не говоря Андрею, лишь отделяваясь фразами типа: «Я работаю! Ты сам же предложил работу! Не лезь, я все тебе потом расскажу!»

Он и не лез, зная, что драконица все равно не выдержит и в конце концов расскажет о происходящем. Чем больше на нее нажимаешь, тем сильнее она сопротивляется. С Шанти тактика грубого давления не проходит, Андрей давно это уяснил.

В этом красивом доме живет Олра, бывшая его любовь и ныне официальная жена советника императрицы Андрея Монаха. Пока официальная жена. То есть можно сказать, что это его дом. Впрочем, по документам он и числится его домом. Хотя бывал Андрей тут совсем не часто, скорее, даже редко.

Солдаты охраны гарцевали перед воротами на своих сытых, высоченных лошадях, а кучер, сойдя с облучка, постучал в створку древком кнута:

– Эй, открывайте! Господин советник приехал!

В окошечко выглянул привратник, и через минуту ворота с противным скрипом растворились, открывая путь карете хозяина. Кучер вычурно выругался в адрес привратника, обвинив его в лени – даже петли смазать не может! – забрался на козлы, и карета въехала на широкий двор, выложенный гладкими каменными плитами.

Навстречу карете уже бежали несколько слуг во главе с мажордомом, высоким седым стариком, работавшим еще у прежнего хозяина, обедневшего и продавшего дом со всем содержимым – и со слугами в придачу. Он задыхался и, подбежав к Андрею, тревожно сказал:

– Наконец-то! Хорошо, что вы быстро приехали! Госпоже совсем плохо! Когда я посылал за вами, она еще не была так плоха, похоже, что у нее родовая горячка!

– Ребенок? – озабоченно спросил Андрей, вбегая в дом по ступеням широкой лестницы. – Ребенок жив?

– Жив! Слава светлomu Господу нашему! Девочка! Госпожа Олра назвала ее Марго! Сказала, что вам, господин, понравится это имя.

Андрей нахмурился, но ничего не сказал. Олра верна себе – перед смертью она как бы дала понять, что знает о подмене, что Антана когда-то была Марго и Андрей был с ней близок. Впрочем, это ничего не меняло.

Андрей вбежал на второй этаж, где была спальня Олры, и бросил через плечо Зорану, своему секретарю, едва поспевавшему за хозяином:

– Жди здесь. Возможно, ты мне понадобишься.

Толкнул дверь и оказался в душливой атмосфере сырости, железистого запаха крови и чего-то сладкого, как будто в комнате курили ладан или что-то подобное. Олра лежала в кровати, накрытая по шею, а вокруг сустились люди – четверо, вероятно, именующих себя лекарями.

Один из них сцеживал в плоскую тарелку кровь из руки женщины, второй что-то читал речитативом, подвизгивая на каждом слове, двое остальных перебирали сумки с резко пахнущими снадобьями, похожими на смесь навоза и селитры.

Губы Олры посинели – она умирала. Ее лицо было белым, как простыня, на которой она лежала. Увидев Андрея, женщина шевельнула рукой и попыталась что-то сказать, но не смогла, и ее бледная рука упала назад, на кровать.

– Вон все! – жестко сказал Андрей.

– Господин советник, мы... – начал тот, кто сцеживал у Олры кровь, но Андрей с размаху ударил его по лицу так, что отбросил шага на два.

– Вон твари! Она и так море крови потеряла! Ты чего, тварь, у нее последнюю скачиваешь?! Убью, сука!

– Но мы... дурную кровь...

– Я сейчас тебе самому дурную кровь выпущу! Всю! До капли! – Андрей шагнул к лекарю, и того как ветром сдуло – он выбежал следом за коллегами, позабывшими даже о сумках с дерьмовыми порошками, и прикрыл за собой дверь.

Повернувшись к Олре, Андрей коснулся ауры и стал впитывать лихорадку, боль, всю заразу, которую занесли грязными руками повитухи. Он никак не мог привыкнуть, что этот мир не дорос до понятия «дезинфекция» и к тому, что каждые третьи роды заканчивались заражением роженицы, а каждые десятые обязательно заканчивались смертью новорожденного. Каждые двадцатые – смертью роженицы.

Мельком проскочили две мысли. Первая – надо реформировать систему медицинского обслуживания. И вторая – как и решил, нельзя подпускать ни одного человека к Антане во время родов. Сам примет ребенка.

Олра задышала легко и спокойно. Синюшная бледность ушла, но до полного выздоровления было еще далеко – организм не мог сразу восстановить утраченную кровь, для этого нужно время. Однако лечение пошло на лад, и от разрывов, полученных при родах, остались лишь небольшие шрамы, которые рассосутся в течение нескольких дней. Видимо, девочка была крупной, поэтому роды прошли тяжело. Да и квалификация этих чертовых лекарей оставляла желать лучшего.

Женщина очнулась. Она робко открыла глаза, как будто не веря в происшедшее, глубоко вдохнула, подняв полной грудью простыню, на которой виднелось ярко-красное пятнышко крови.

– Ты пришел... я так боялась, что ты не придешь... я звала тебя, звала, звала, кричала... и чуть не умерла. Ты знаешь, я папу видела. Но он меня прогнал. Я к нему потянулась, обняла его, а он улыбнулся, оторвал мои руки и толкнул назад, к тоннелю. Я летела... летела... летела... бах! И снова тут. И ты тут. Ты знаешь, у нас ведь родилась девочка. Я назвала ее Марго. Ты не сердись? Ты не подумай чего плохого, милый, я тебя до сих пор люблю. Я никогда не причиню тебе зла, клянусь! Никогда, пусть я лучше умру! Дура я была. Ох, дура... надо было хватать тебя и бежать на край света, бросить все, забыть обо всем... но что теперь поделаешь. Все так, как оно есть. Правда же? Или нет? – Олра с надеждой смотрела в глаза сидящего рядом с ней на постели мужчины, а он молчал.

Его глаза говорили: «Прости, у меня в душе осталось еще что-то, да... но... место занято. Той, которой я оказался нужен больше». И Олра заплакала.

Она не плакала так с детства, когда соседский мальчишка сломал подаренную ей отцом игрушку. Плакала так, как не плакала никогда, будучи взрослой женщиной, – навзрыд, с воем, до обморока, как по мертвому. Впрочем, по мертвому и есть. Она оплакивала убитую ею любовь.

Отрыдавшись, Олра успокоилась и замерла, схватив руку Андрея и прижав ее к губам.

Андрей смотрел на женщину, бывшую когда-то для него самым близким человеком в мире, и думал о том, как мало нужно, чтобы дом, строившийся месяцами, а то и годами, разрушился. Стоит лишь толкнуть в нужном месте, подправить... и посыпались стены, завалили все, что было красивого, светлого.

– Все, успокоилась? – спросило он грустно. – Что же ты раньше за мной не послала? Это же не лекари, это шарлатаны проклятые! Поубивал бы! Через пару дней уже будешь на ногах. Как девочка? С ней все нормально?

– Да, слава Господу! Крупненькая, такая красавица! В нас с тобой. – Олра счастливо улыбнулась. – Я так мечтала о девочке, так ее хотела! Спасибо тебе! Не думала, что рожать так больно и трудно. Не ожидала.

– Делов-то, – лукаво усмехнулся Андрей. – Напряглась, щелк! – и готово. Чего преувеличиваешь-то?

– Тьфу! Треснула бы тебя! – рассмеялась Олра, довольная, что Андрей с ней шутит, как в былые времена. – Сам бы попробовал! Вас, мужиков, заставить бы рожать, тогда знали бы, как получаются дети. А то небось в вашем представлении это только лишь... м-да. В общем, худо мне пришлось. Спасибо тебе.

– Нечего благодарить, – досадливо отмахнулся Андрей, – не чужие ведь. Да, не чужие. Ты мать моей дочери. И я тебя не оставлю без помощи. Ты же знаешь.

– Знаю, – снова погрузилась Олра, – знаю. А может, мы с тобой, иногда, когда Антана не может...

– Давай не будем об этом, а? – прервал ее Андрей. – Лучше поговорим на другие темы!

– Понимаю, – кивнула Олра. – Как у тебя дела с армией? Я слышала – разговоры идут нехорошие. Вроде как жалование задерживают. Ты выправил положение?

– Кто тебе сказал про армию? – насторожился Андрей.

– Я же бываю у вельмож. Благодаря тебе, кстати. Они пытаются заручиться моей поддержкой – так, на всякий случай. Я ведь жена самого могущественного человека в империи. Правой руки императрицы.

– Ага. Понятно. И что говорят?

– Говорят, что казна пуста, что армия волнуется и как бы скоро у нас не был новый император. Многие собрались бежать в провинцию, в свои дальние поместья, на всякий случай, пока гроза не пройдет.

– А что насчет лояльности? Основная масса как? Не собираются строить мне козы морды?

– Какие морды? А! – Олра рассмеялась. – Иногда я просто теряюсь от сочности твоих высказываний! Ты пойми, я общаюсь с теми, кто тебе в общем-то лоялен или нейтрален. Те, кто тебя ненавидит, меня не принимают.

– Интересно. И много таких?

– Ну-у... половина. Не меньше. Но они тоже выжидают. После того как ты расправился с главарями мятежа, охоты бунтовать у них точно поубавилось. Боятся. Хотя связь с Гортусом, я думаю, держат. Шпионят для него, это точно.

Андрей помолчал, переваривая услышанное, и, кивнув головой, подтвердил:

– Да. Проблемы с деньгами есть. И большие. Временно я их решил, на пару недель максимум, но мне нужны деньги. Много денег. На ведение войны, на переоснащение армии. Если я успею провести реформу армии – война будет выиграна. Сто процентов. Но где деньги взять, ума не приложу. Я сунулся в имперский банк, взять заем – а он пуст. Почти пуст. Остались вклады мелких пользователей, по миллиону – два – три. Остальные успели изъять вклады. Вывезли золото. Банкиры разводят руками, мол, нет ничего. Перехватил пару миллионов, и то еле успел, граф Ситаран возмущался так, что чуть не описался от злости. Все выгребли. Вот и посоветуй – где взять деньги? Как добыть несколько десятков миллионов на армию, на перевооружение, на постройку завода, на все, что мне необходимо? Казна пуста. Что делать?

– Грабь, – ни секунды не задумываясь, ответила Олра. – Что ты на меня так смотришь? Грабь! Отбирай деньги! У тех, у кого они есть! У кого много денег! Подумай, у кого они есть, и забирай. Война окончится, ты выиграешь, и никто не вспомнит, на какие деньги ты ее выиграл и как ты их добыл. Победитель всегда прав.

– У нас говорят – «победителей не судят», – автоматически буркнул Андрей, взвешивая сказанное.

– Вот-вот, хорошо сказано, победителей не судят! – обрадовалась Олра. – Смотри, что получается: есть банк, в котором лежат деньги. Назрела война, люди свои деньги изъяли, лишив банк возможности финансировать государственные программы, фактически подрубив твои планы под корень. То есть они сработали как государственные преступники. Что тебе мешает объявить их таковыми? И забрать все, что у них есть? Повод можно найти, да. Придумать на самом деле. Пусть пять человек покажут, что такой-то отправлял их Гортусу, намереваясь заключить с ним соглашение. Гадко? Да. И что? Да наплевать! Главное – дело! Я тебе дам примерный список тех, кто сочувствует Гортусу, кстати, это самые богатые аристократы и есть. Стоп, чего ты улыбаешься? Вот негодный! Ты же это сам уже продумал, и давно! Я же тебя знаю, муж мой. Не хмурься, не хмурься... позволь мне хоть иногда называть тебя мужем. Ведь мы были когда-то счастливы... как я сейчас. И пока ты мой муж. Я тебе нужна, я верная, умная, преданная тебе. И я мать твоей дочери. Кстати, мы скажем ей, что ты ее отец?

– Конечно. Дочь должны знать своего отца. И ты будешь жить в императорском дворце. Мои дети должны воспитываться вместе, одинаково, пусть даже один будущий император, а другая... другая будет графиней. Скажу Антане, чтобы она указом пожаловала тебе графский титул. Мы сделаем по-хитрому – найдем хороших писцов, подчистим генеалогическое древо какого-нибудь исчезнувшего, захиревшего рода и впишем туда твоих родителей, якобы они дети одного из графов, а ты – соответственно графиня. И императрица, узнав об этом, восстановила справедливость, присвоив тебе титул. Она имеет на это право. Все будет отлично.

– Я люблю тебя. Какой ты умный, какой ты...

– Только не рыдай, ладно?! – рассмеялся Андрей. – Если любовь кончилась, это не означает, что не может быть дружбы и привязанности. Я же сказал, что не оставляю тебя и мою дочку... Дочку... – Андрей будто покатал на языке это слово и смущенное улыбнулся. – Никак не могу привыкнуть, что я стал отцом. И скоро стану им снова.

– Как, кстати, у Антаны дела? Скоро?

– Скоро. Ждем со дня на день. А ты переходила, да?

– Ага. Переходила. Предлагали мне попить порошков, чтобы выгнать ребенка пораньше, – я отказалось. Бред это все. Когда надо ребенку, тогда он и выйдет. Как Бог решит. Ее не тошнит?

– Кого? А! Анту? Нет. Отлично себя чувствует.

– Эх, мужчины, мужчины... я тебе про ребенка – а ты уже мыслями весь в деле, – рассмеялась Олра. – Да, наверное, это правильно. Для нас нет ничего важнее детей, а вы должны думать, как нам всем выжить. Отец тоже такой был. Наверное, потому я тебя и полюбила, что ты очень похож на моего отца. – Олра вздохнула и добавила: – Ладно. О любви потом. Слушай, а о церкви ты думал? Вот у кого денег море. Все жертвуют церквям. У них капиталы немалые. Объяви, что церковь как часть государства должна заботиться о его сохранности. Иначе... в общем... вижу, ты уже и это продумал. С тобой неинтересно, ты все знаешь! – рассмеялась Олра. – Хочешь посмотреть на малышку?

– Хочу! А можно?

– Глупый! Тебе все можно! Я твоя! Малышка твоя! Мы твои близкие! О чем ты говоришь?! Сейчас.

Она дернула за шнурок у кровати, где-то далеко раздался удар гонга. Дверь распахнулась, и в комнату заглянул озабоченный мажордом.

– Что... что, господин... госпожа! Ой, радость-то какая! Госпожа здорова! А эти идиоты лекари...

– Тебя как звать? – спросил Андрей у старика.

– Аким.

– Аким, открой дверь пошире и встань рядом, не загораживай проход... ага, вот так!

Андрей наклонился, поднял три лекарские сумки, взяв их в охапку, и со всей силы вышвырнул в коридор. Сумки с гулом пролетели мимо испуганного мажордома и, похоже, в кого-то попали, потому что в коридоре пискнули и заскреблись.

– Чтобы этих тварей, именующих себя лекарями, и на пороге больше не было! Увижу – убью! И ни медяка им! Все. Неси сюда малышку, я хочу на нее посмотреть.

– Сейчас, сейчас! – просиял старик. – Она наелась молока кормилицы, спит, такая красивая, такая славная!

Он исчез, и через пять минут в комнату вплыла здоровенная бабища, одна из самых больших женщин, которых Андрей видел в своей жизни. Ее груди напоминали арбузы, а ручки были как у борца-тяжеловеса или штангиста. Этими руками она нежно прижимала к себе маленький кулек, терявшийся на ее телесах. «Штангистка» улыбнулась Андрею и прогудела как тихая сирена, если такие бывают:

– Здравствуйте, господин советник! Какая славная у вас малышка! Крупненькая! Здоровенькая! Поздравляю! Она красавица – вся в вас. И в маму. Наелась молочка и спи-ит... Хотите посмотреть на ручки-ножки? У нее все в порядке – и рученьки, и ноженьки. Я все проверила. Никаких безобразий. Славный ребенок. Молока у меня много, будет кушать и расти, кушать и расти... у-у-у... моя сладкая!

Андрей наклонился над кульком и всмотрелся в лицо дочери – честно сказать, никакой похожести ни на кого он не увидел. Младенец как младенец – глазки закрыты, сопит носиком... красненькая.

– А чего она красная такая? – озабоченно спросил он. – Чего не розовая? И пятнышки какие-то... не болеет? – Он проверил ауру – нет, та сияла ровным светом, ни красных прожилок, ни черноты. На всякий случай Андрей добавил ей здоровья от себя, аура засветилась сильнее, а красные пятна вроде как побледнели.

– Хо-хо-хо! – как Санта-Клаус, захала женщина-гора. – Ой, не могу! Простите, господин советник, не удержалась. Все мужики про это спрашивают. С чего ей быть розовой, когда она только что вылезла из... в общем, нормально это. Потом кожа очистится и будет розовенькая и красивенькая. Вас протащи через... хм... вы и не так пятнами покроетесь... хо-хо-хо... Подержите-ка ее. Не бойтесь, не бойтесь, она не стеклянная! Чувствуете, какая тепленькая, приятная? Ваша дочь, запомните, как вы взяли ее на руки в первый раз. Все когда-то в первый раз... – вздохнула она и приняла назад сверток с младенцем.

Андрей повернулся к Олре, хотел что-то сказать, и тут из коридора раздался озабоченный голос Зорана:

– Господин советник, господин советник! Посыльный! Срочно! Императрица рождает! Быстрее, вас требует!

Андрей ошеломленно обернулся к секретарю, хотел бежать, но Олра поймала его за рукав, приподнялась, нагнула за шею и поцеловала в губы, шепнув:

– Может, в последний раз. Прости уж за смелость. Удачи вам с Антой.

Женщина откинулась на подушки, следя за убегающим любимым, и горько вздохнула по ушедшему. Потом посмотрела на новорожденную, и ее лицо озарилось счастьем – вот она, дочь!

И все остальное показалось таким не важным, мелким, незначительным...

Глава 4

Секретарь подал графу Гегайло футляр, запечатанный печатью императрицы. Граф, полный мужчина лет сорока, с глазами навывкате и широким сальным лбом, посмотрел на этот футляр, будто в нем могла лежать ядовитая змея.

– Что это? Откуда? – воззрился он на секретаря Жасиора, человека лет тридцати, шестого сына мелкого чиновника управы. – Ты где это взял?

– У гонца, господин граф. – Секретарь, работавший у графа второй год, поклонился, усмехаясь в усы. Забавно было посмотреть, как у хозяина, наглого и самодовольного типа, трясутся поджилки при виде имперской печати.

– Какого гонца, болван?! – вспылil граф, стукнув кулаком по столу. – Ты можешь объяснить как следует?! Какого демона ты паясничаешь?

– Простите, господин граф! – еще ниже согнулся секретарь. – И мысли не было паясничать! Приехал гонец, передал привратнику грамоту, сказал, что это письмо императрицы, и все – ускакал! Я не знаю, что это такое. Оно запечатано личной печатью императрицы. Это все, что мне известно!

– Распечатывай! – приказал граф, глодая ножку фазана, запеченного под силванским соусом с яблоками. – Читай, только почетче, я стал что-то плохо слышать.

«Жир тебя душит, гадина ты эдакая! – подумал секретарь. – А жалованье зажимаешь, гнида обжорская!»

Жасиор сломал печать и достал из футляра свернутый в трубочку листок бумаги. Она была ослепительно-белой – говорили, что советник императрицы наладил производство такой бумаги, отличающейся от привычной коричневатой, похожей на кожу. Эта приятно похрустывала и была на порядок выше качеством, чем прежняя.

– Читай, читай быстрее! – потребовал граф и даже отложил на время фазанье крылышко, которое собирался положить в рот.

– «Господин граф! – нараспев начал секретарь. – Я, Императрица Антана, приветствую Вас, своего верного подданного. В это непростое время, я уверена, каждый человек в империи думает о том, как помочь родной стране преодолеть трудности, связанные с тем, что мятежники пытаются начать братоубийственную войну. Как известно, победить в войне без армии невозможно, а на нее нужны средства. А где взять средства, если некоторые подданные забывают вовремя заплатить налоги? Уверена, что Вы просто забыли выплатить свой долг казне размером в семьсот семьдесят тысяч золотых. Кроме того, как верноподданный, уверена, Вы не откажете казне в небольшом займе размером в десять миллионов золотых...»

– Сколько?! – прервал секретаря граф, вытаращив свои рачьи глаза так, что они чуть не выпали на стол.

– Десять миллионов золотых, – равнодушно повторил Жасиор и продолжил: – «Как мне известно, Вы располагаете такой суммой. Только лишь недавно Вы забрали из имперского банка двенадцать миллионов золотых, мотивируя это желанием прикупить новое поместье и земли. Уверена, Вы поможете империи в такое непростое время и ссудите короне деньги под полпроцента годовых. Жду Вашего письма с датой и временем передачи денег в казначейство, с учетом задолженности по налогам. Императрица Балрона Антана». Дата, подпись.

– Это что такое?! Это грабеж! – яростно крикнул граф, и не успел затихнуть его крик, как в дверях появился мажордом.

– Господин граф! К вам граф Хаденор! Что ему сказать, вы его примете?

– Болван! Конечно! Веди его сюда!

Минут десять граф Гегайло яростно расхаживал из угла в угол, плюясь и ругаясь всеми черными словами, какие знал, потом уселся и стал ждать гостя, сцепив руки в замок так, что его толстые, как сосиски, пальцы побелели.

Граф Хаденор, высокий, импозантный мужчина лет пятидесяти, появился в дверях, держа в руках футляр, похожий на тот, что получил Гегайло. Он был хмур, сосредоточен и молчалив более обыкновенного. Без лишних слов и околичностей он кивнул на стол, где лежало такое же письмо, и спросил:

– Граф, что вы думаете по этому поводу? Сколько она вам выставила?

– Десять. А вам?

– Тринадцать.

– Ну да, вы же побогаче меня. А забрали из банка, наверное, пятнадцать? – усмехнулся толстяк. – Всегда считал, что держать деньги в банке – все равно что размахивать ими на перекрестке дорог: смотрите, сколько у меня есть!

– А зачем тогда клали на счет? – пожал плечами Хаденор.

– Ну не дома же хранить! Всегда было надежно. А как войной запахло, я и решил – могут пропасть денежки. И снял. И вы так же поступили, да?

– Да. И не жалею. На кой демон нам поддерживать этих выскочек? Якобы она происходит из семьи герцога Паленского, а он – из графов Ворновых! Лгут, как рыночные торговцы! Слепили документы, и все! Весь архив в руках императрицы, делай что хочешь. Так что будем делать, Габраил?

– Уважаемый Сермон, я только что получил это письмо. У меня голова кругом идет, я не знаю, что делать! Может, вы что-то посоветуете? Как я понял, у вас было больше времени, чтобы подумать над посланием. Когда вы его получили?

– Час назад. Почитал, подумал и сразу к вам. Послушайте, может, она прознала, что мы связались с Гортусом? Что его отец был приятелем моего и в школе учился вместе с вашим в одной группе?

– Нет. Они выскочки. Им никто ничего не скажет. Императрица и советник не нашего круга. Кстати, слышали? Якобы сын императрицы, будущий император, очень похож на советника!

– Перестаньте. Сколько ему – несколько дней? Три? Четыре дня? Как можно сказать, от кого он? Младенцы все на одно лицо. Хотя... слухи такие ходили. Уж очень этот тупой рубака близок к Антане. Женщины любят вояк...

– Вам-то это точно известно, – криво усмехнулся Гегайло. – Ходят легенды о ваших победах над дамами, граф. Замужними в основном.

– Перестаньте. Сейчас не до легенд. Итак, запрос императрицы. Что делать?

– Бежать, конечно. Уехать из города. Немедленно. Поехать в дальнее поместье, ближе к югу, и ждать Гортуса. Взять сильную охрану, погрузить золото, и в путь.

– Все золото?! Вы представляете, сколько оно весит? – хмыкнул Хаденор. – Вы же не сможете взять все! Вам понадобится караван из десяти возов! А мне из двенадцати. И охрана. Я только из хранилища банка возил их несколько дней. Кстати, у вас задолженность по налогам есть?

– А у вас?

– Девятьсот тысяч. За несколько лет.

– А чего не платили?

– А вы? Чего глупые вопросы задаете? – рассердился гость.

– Успокойтесь, Хаденор, мы с вами сидим на одном стуле. Платить, конечно, глупо – завтра Гортус придет, а мы деньги отдадим этой курице! И ее петуху! Уезжать надо. Деньги спрятать в поместье, а с собой забрать то, что уместится в одной повозке. Уверен, у вас есть тайник, который найдете только вы. И у меня есть. Так что даже если заберутся в дом, ничего

не найдут. Впрочем, здесь оставим сильную охрану, и все будет нормально. Мы с вами самые богатые люди в этой империи, или одни из самых богатых, скажем так. Чего нам бояться эту выскочку? У нас сильная охрана, наемники плюс наши гвардейцы, которые не чета рохлям Антаны. Если что – пробьемся!

– Уверены? – прищурился Хаденор. – Говорят, что гвардия императрицы в последнее время стала гораздо боеспособнее. А еще этот самый спецназ, как его называют. Вырядились в странную форму, как грязную, всю в пятнах, и бегают, палят из этих штук – ружья называются. Не опасно будет выезжать?

– Демоны! – в отчаянии возопил граф Гегайло. – Что, горите желанием вывалить ей тринадцать миллионов?! Пока за нас не взялись – бежать надо! И прямо сейчас, в ночь! Иначе поздно будет. Вы как хотите, а я уже собираюсь. – Он посмотрел на Хаденора и вдруг за его спиной увидел небольшую черную кошку. Она как будто улыбалась, глядя на графа, и в ее глазах ему привиделся демонический блеск.

– Откуда здесь эта тварь?! – яростно крикнул Гегайло и, будто несчастная кошечка была виновата в его бедах, изо всей силы кинул в нее фарфоровой чашкой с остатками чая.

Конечно, не попал, только забрызгал темной жидкостью рукав камзола Хаденора. Пока извинялся, пока искал глазами кошку – та уже куда-то исчезла.

– В общем, Хаденор, я выезжаю. Что касается этих ружей – чушь собачья! У меня пятьдесят лучников да пятьсот солдат в полном вооружении! И здесь остается двести человек. Пусть попробуют взять!

Караван был готов через три часа. Доверенные слуги долго перетаскивали мешки из потайной комнаты в тоннеле под домом, следя за тем, чтобы кому не следует не увидели, где она находится. Затем граф собственноручно запер потайные двери хитрыми замками, подобрав отмычку к которым было невозможно. Его домашние уже сидели в карете – старший сын, с вечно недовольным, плаксивым лицом, похожий на отца как две капли воды, дочь, еле влезшая в очередное парчовое платье, и жена, надменно взирающая на своего мужа, менее родовитого, чем она. Она его всегда презирала.

После того как Гегайло взгромоздился в карету, заскрипевшую под его немалым весом, караван тронулся в путь. Управляющий поместьем остался стоять у ворот, провожая хозяина, а гвардия Гегайло и наемники, закованные в броню, ошестинившиеся клинками разнообразного первоклассного оружия, обступили карету живой, закованной в железо стеной, расталкивая случайных прохожих и нещадно хлеща плетью куда попало. А попадало так, что некоторые падали, сбитые с ног ударом плети, утяжеленной свинцовыми шариками.

Вечерние улицы были пустынные. В последнее время деловая жизнь столицы угасла, затаилась в ожидании перемен и грядущей войны. Дождь, как будто напугавшись грозного вида графского отряда, заполонившего всю улицу от стены до стены, тоже притих, и даже ветер не колыхал поверхность больших луж и намокшие плюмажи шляп челяди графа.

До городских ворот они добрались за час – караван шел небыстро, да и огромная, лакированная черным лаком карета катила медленно, влекомая четверкой лошадей. Кроме того, три воза с деньгами, окруженные охранниками в блестящей броне, непробиваемой даже стрелой, не располагали к бодрой скачке.

Граф прикинул, что до первого поместья они доберутся к утру, – дорога от столицы до поместья была булыжной, так что особых хлопот не предвиделось.

Поместье большое, окруженное мощными стенами, даже можно сказать – крепость, так что взять там графа будет очень трудно, особенно с его войском. Оттуда он разошлет гонцов в остальные свои поместья и скоро соберет войско, сравнимое с императорским. Денег у него хватает, оружия тоже. Несмотря на свой смешной облик, граф был совсем не дурак. Наоборот,

он обладал трезвой головой и ясным умом, не зря Хаденор в первую очередь бросился именно к нему. Гегайло умел в определенный момент выбрать правильное решение.

Неожиданно отряд остановился. Граф открыл дверцу кареты и подозвал секретаря. Жазиор выслушал приказание, прищипил коня и поскакал в голову колонны, узнать, что там случилось. Через несколько минут вернулся и со слегка растерянным видом доложил:

– Господин граф! Ворота закрыты! Стражник сказал, что у него приказ не выпускать вас из города.

– Что-о-о?! Это как понимать?! Да я их... я их... в порошок сотру! Я их уничтожу!

– Габраил, мне все это не нравится, – слегка гнусаво сказала графиня. – Чувствую, это неспроста. Не спеши. Выясни, в чем дело. Как бы беды не было...

– Думаешь, они закрыли ворота в связи с письмом? – нахмурился Гегайло. – Впрочем, я сейчас узнаю.

Пыхтя как паровоз, Гегайло вывалился из кареты и мимо строя своих латников пошел к воротам. Перед опущенной стальной решеткой стоял парень в солдатской одежде, с алебардой и точил ляды с какой-то рыжеволосой красоткой. Они увлеклись разговором, смеялись и обращали на знатного вельможу и отряд латников внимания меньше, чем на муравейник.

Граф, кипя от злости, подошел к парочке и только тут заметил, что парень был одноглазым – часть лица закрывала черная повязка, а на виске шрам, как будто через глазницу что-то прошло и вышло через висок.

Парень мельком глянул на подошедшего графа, которого сопровождали секретарь и командир графской стражи, сорокалетний мужчина с жестким, угловатым лицом и прищуренными, как у кота, глазами, и снова отвернулся к звонко рассмеявшейся собеседнице. И только когда Гегайло рявкнул, соизволил обратить на него внимание:

– Вы граф Гегайло? Замечательно. И вы спрашиваете, почему ворота закрыты и какого хрена вас не выпускают? Отлично. У меня грамота, которую я обязан вам отдать, предварительно прочитав во всеуслышание.

– А кто ты такой? – презрительно процедил граф, мучительно вспоминая, где он видел этого наглеца.

– Я Зоран, секретарь первого советника императрицы, – спокойно ответил парень, и граф наконец-то вспомнил: да, этот наглец всегда был рядом с советником! И девицу он где-то видел...

– Так вы готовы выслушать указ императрицы, господин граф? Он касается персонально вас.

– Читай, а потом открывай ворота, иначе мы их сами откроем, – прорычал граф. – Хамы! Наглецы! Пороть вас надо, твари безродные!

– «Я, Императрица Балрона милостью Божьей, Антана, объявляю: граф Гегайло, который вопреки моей воле попытался скрыться и лишить корону принадлежащих ей денег в виде укрытых от нас налогов, а также будучи уличен в связях с бунтовщиком и богоотступником Гортусом, объявляется государственным преступником и подлежит императорскому суду. Имущество графа Гегайло и его состояние конфискуется в пользу империи, а сам он будет препровожден во дворец для решения его судьбы. Всякий, кто осмелится оказать ему помощь, материальную или военную, также объявляется государственным преступником и подлежит наказанию в соответствии с законами Балрона. Императрица Антана, сего года, сего числа, четыре часа пополудни, императорская резиденция». Вот, господин граф, получите указ. Вопросы есть? Сами сдадитесь или же нужно прибегнуть к силе? – Наглое лицо парня светилось довольством, он как будто не видел стоящих напротив него нескольких сотен тяжелооруженных солдат и ему нравилось играть с судьбой.

– К силе? – ошеломленно переспросил Гегайло. – К силе?! – Он завопил так громко, что вспугнул птиц, клевавших лошадиное дерьмо немного поодаль, на дороге, возле серо-желтой

лужи грязной воды, перемешанной с лошадиной мочой. – Ты что, идиот?! Открывай ворота, одноглазая помесь свиньи и петуха! Иначе мы их сейчас сами откроем! А тебя повесим на этих самых воротах, дебил!

– Господин граф, это же бунт, бунт против короны, – громко и четко произнес Зоран. – Я же зачитал и передал вам указ нашей императрицы, да продлит Господь ее дни!

– Императрицы?! Этой смазливой шлюхи?! – завопил Гегайло, совсем потеряв разум от ярости. – Да пошла она!.. Грабить взялась?! Как разбойница?! Да она медяка от меня не получит, медяка ломаного и тертого! Рийтар, открыть ворота! А этого придурка повесить на них!

Короткая команда, и двое латников бросились к Зорану. Не успели они добежать, как прогремел гром, и оба упали на землю как подкошенные, и под ними начала образовываться красная лужа.

Гегайло побледнел и рысью побежал назад, под прикрытие своих солдат. Они образовали каре, выстроившись боевым порядком – привратная площадь это позволяла, – и начали двигаться к воротам короткими приставными шагами, прикрывшись окованными железом щитами. Позади закованных в сталь латников выстроились несколько десятков лучников с наложенными на тетиву стрелами – благо, что дождь ненадолго отступил и тетивы оставались сухими, пригодными для стрельбы.

Внезапно откуда-то выскочил большой отряд солдат в странной форме, покрытой разводами и пятнами, будто бойцы недавно вывалились в грязи. Они заняли позицию перед воротами. Передний ряд держал огромные квадратные щиты, упертые нижним краем в землю, под углом в сорок пять градусов. В щитах были сделаны прорезы, в которые бойцы высунули непонятные сдвоенные трубки. Кроме того, такие же солдаты появились на крепостной стене и тоже держали трубки, укрепленные на деревянной ложе. Эти штуки чем-то напоминали арбалеты, но на ложе не было стального лука.

Рийтар помедлил, засомневавшись, но все-таки отдал приказ:

– Лучники, стрельба по моей команде! Первый взвод – бегом в атаку и захватить механизм подъема ворот! Начали!

Стая стрел с убийственной точностью вылетела из луков наемников и с огромной, кажущейся невероятной силой вонзилась туда, куда они метили, – в ноги, руки, в части тела, случайно высунувшиеся из-за щитов противника. Остальные стрелы воткнулись в странные щиты, завязнув в них и мелко дрожа, будто боясь того, что сейчас могли бы наделать.

На крепостной стене не было ни одного раненого. Бойцы прикрывались зубцами, а кроме того, у них тоже были щиты, подобные тем, которыми прикрывался отряд внизу. Стрелять из луков вверх было гораздо сложнее, точность ниже.

Бойцов, противостоящих пяти сотням наемников Гегайло, было около двухсот человек, потому Рийтар и решился на эту атаку. Весь его воинский опыт говорил о том, что перевес на его стороне. Но он просчитался.

Ответный залп был ошеломляющим. Пули со стальными сердечниками из нарезных двуствольных штуцеров буквально вынесли первые ряды нападающих. Промазать было невозможно – в тесном строю атакующие латники бежали друг за другом, и тяжеленные пули, пробив, как картонные, латы авангарда, прошли их тела, а на излете ранили или убили тех, кто бежал следом. Второй залп прозвучал через секунду после первого, и наступила тишина, которую нарушали лишь стоны и крики раненых да звон гильз, выброшенных эжектором штуцеров на мостовую.

Те, кто сидел на крепостной стене, были вооружены не штуцерами, а длинноствольными винтовками, партия которых поступила с завода буквально на днях.

Их было шестьдесят человек, самых умелых стрелков, выделенных из общей массы рекрутов после длительных, изнуряющих тренировок с ружьями. Каждый отстрелял не менее

тысячи патронов. На овладение новым оружием, винтовками ушло дня два, поэтому Федор очень волновался, как они покажут себя в снайперской стрельбе. Для короткоствольных штуцеров дальность была неважна – главное крупный калибр и скорострельность. По толпе невозможно промахнуться, а вот снайперы с винтовками должны были быть очень умелыми.

Да, часть стрелков все-таки промахнулись, но большинство попало в цель.

Половина лучников полегла сразу, остальные получили по стреле и болту из луков и арбалетов от затаившихся на крепостной стене традиционных стрелков, что тоже не было полезно для здоровья. Оставшихся лучников добили из винтовок снайперы. Хотя они и стреляли гораздо медленнее штуцеристов, но их скорости хватало, чтобы перезарядиться раз в несколько секунд: дернуть затвор, вогнать патрон, навести – бах! Пуля со стуком пробивает латы, оставляя маленькую дырочку с неровными краями, и... все. Совсем все. Навсегда.

Отряд наемников споткнулся о трупы товарищей, наваленные как дрова, замешкался и был расстрелян на месте, как стая куропаток, любопытно поднимающих голову навстречу смерти – откуда же она летит? Пока наемники сообразили, что единственный выход – это упасть на землю и закрыть затылок руками в знак сдачи в плен, от отряда осталось в живых около ста человек и те были в основном ранеными.

Рийтар погиб одним из первых – штуцерная пуля разворотила ему грудь и, сломав грудину, ушла вверх, выйдя сквозь правое плечо и оставив тоннель, через который кровь вылетела за считанные секунды.

Гегайло, который до начала атаки ушел назад, туда, где стояла его карета, остался жив и отделался царапиной – шальная пуля ударила в карету, отщепила длинный кусочек лакированного дерева, и тот воткнулся ему в подбородок, как маленькая стрела. Бежать он не успел – улицу перекрыла стража, и графу оставалось лишь трястись, как пудинг, и ждать своей участи.

В кабинете было тихо, лишь жужжала муха, бессмысленно тыкающаяся в оконное стекло.

– Не подранили? – Андрей обернулся к Зорану, безмятежно стоявшему у стены, с пачкой документов в руке. После того как парень получил ранение, лишившее его глаза, он стал спокойнее и как-то... злее, что ли. Раньше он просто лучился светом и весельем, теперь его душу будто подернуло пеплом.

Андрей мог бы вернуть ему глаз, вылечить, но пока не хотел этого делать, чтобы не светить свои способности. Потом когда-нибудь. Да и времени не было. Растить глаз – это не кровь остановить. Процесс сложный и длительный.

– Нормально. Мы сразу нырнули за будку привратников, так что до нас ни одна стрела не долетела. Ох и месиво же там получилось! Я думал, госпожа Шанти испугается крови, а она молодец, даже не вздрогнула. – Зоран с любовью посмотрел на драконицу, и Андрей слегка нахмурился – этого еще не хватало! Влюбиться в драконицу, которая не может ответить тебе тем же, – это ли не трагедия? Зоран не знал, что Шанти не человек. Для него она была яркой красоткой с огненными волосами, мечта мужчин.

– Записали, что говорил Гегайло?

– Все до слова. Судья подписал. Свидетели тоже. Они прятались на стене.

– Перепугались?

– А то ж... судья чуть не обделался от страха, когда засвистели стрелы, – это мне ребята со стены рассказали. Но все оформил как надо, так что для суда все готово. Там вас дожидается патриарх, позвать его? Вы назначили ему на полдень. Похоже, он кипит от злости, обед – дело святое. Гораздо святее, чем молитва. А вы его лишили обеда.

– Ничего. Иногда надо отказаться от яств в пользу бедных, попоститься, – безжалостно отрезал Андрей. – Пусть подождет, ему полезно. Спесь сойдет. Что там с Гегайло? Остальные деньги? Соппротивления в особняке не было?

– Нет. Мы доставили его туда, к воротам, и он приказал открыть их. Потайную комнату вскрыли, деньги перевезли в хранилище банка, оформили поступление на счет казны. Оформляем документы на переход права собственности всего его имущества.

– А семью куда? Жена, дети?

– А не все ли равно? – равнодушно пожал плечами парень. – Уехали куда-то, к родне своей. Она же из знатного рода, супруга его. Только матерится как сапожник. Нас материть боится, а мужа крыла так, что уши в трубочку сворачивались. Злобная баба.

– Сколько поступило в казну от Гегайло?

– Шестнадцать миллионов триста восемьдесят три тысячи двести три золотых и... серебро надо упоминать?

– Нет. Медяки тоже. Неплохо, неплохо. Но мало. Надо гораздо больше. Что там со вторым магнатом?

– Граф Хаденор заперся в своем особняке и держит оборону. Выходить отказывается. Есть сведения, – Зоран посмотрел на Шанти, – Хаденор бахвалился, что досидит в своей крепости до прихода Гортуса. У него там большие запасы еды, воды, кроме того, к дому подходит виадук с чистой проточной водой. Поместье большое, и в нем не менее тысячи человек охраны. Мы блокировали его со всех сторон, но не штурмуем, ждем вашего указания. Генерал Гнатьев сейчас там, осматривает позиции, готовится к атаке. Спрашивал у вас, когда начать.

Андрей недолго подумал и сообщил:

– Атаку запрещаю. Займите позиции вокруг поместья, на высоких домах. Если таких рядом нет, постройте вышки на таком расстоянии, чтобы до вышек не мог добить ни один лук или арбалет. Посадите там снайперов с винтовками, самых лучших. Пусть палят во все, что шевелится. Не давайте им жизни. Пусть стреляют по окнам, по лошадям, по всему, что там есть. Разрушите их виадук. Поставьте баллисты и забрасывайте в поместье дохлых собак, кошек – всю падаль, что найдете.

– А трупы бродяг можно? – счастливо спросил Зоран, поблескивая здоровым глазом.

– Нет. Они не заслужили. А вот трупы наемников, выступивших против короны, – все туда. Пусть они будут вместе – мертвые бунтовщики и живые. Стены крепкие?

– Крепкие. Высота десять метров, на стенах охранники, лучники. Укрыты за щитами и зубцами. Это настоящая крепость, по типу императорского дворца. Выкурить оттуда их будет сложно.

– Ничего. Как вонять начнет, так быстро повылезут. Время от времени бросайте туда листовки с предложением сдаться. Обещайте наемникам жизнь и свободу. Что с остальными должниками? Есть подвижки?

– Пока мало, – признался Зоран. – Пока что пришли в банк и сдали требуемое лишь процентов пять от тех, кто должен. Всех переписали. Добавилось три миллиона пятьсот шестьдесят тысяч золотых. Мелкие держатели счетов. Остальные думают.

– Готовьте казнь Гегайло. На рыночной площади, сегодня, в четыре часа пополудни. Там эшафот уже есть, как мне известно.

– Способ казни? Голову рубим или вешаем? Вешают обычно воров и грабителей, благородным отрубают голову.

– Какой, к демонам, он благородный? Предатель! – отрезал Андрей. – В петлю его! А потом насадить тело на кол и пусть стоит на площади. Прицепить табличку: «Граф Гегайло, клятвопреступник и вор! Так будет со всеми предателями и ворами». Тогда и посмотрим, как понесут деньги в банк. На воротах усилили пропускной режим?

– Да. Прежнюю стражу сняли, теперь только спецназ. Проверяют все фургоны, вскрывают мешки. Пропускают только простой люд, благородных заворачивают назад. Уже было два инцидента – благородные попытались напасть на охранника у ворот, чтобы заставить его выпустить их наружу. Оба застрелены на месте, как вы и приказали.

– А как определяете, благородные они или нет? – усмехнулся Андрей.

– Да гонор-то куда спрячешь? – ухмыльнулся Зоран. – У наших людей глаз наметанный. Ну, может, кто-то и проскочил, но только без золота, это точно. Золото все в городе.

– Отлично. Что с мастеровыми, механиками?

– Везем! Собрали откуда могли – теперь отправились в северные провинции. Забираем с семьями, с инструментом, со всем скарбом – и сюда.

– Поаккуратнее с ними. Народ творческий, не любит грубости. Дома для них построили?

– Днем и ночью строят. Бараки, так вы их назвали?

– Пока бараки, – поморщился Андрей. – Потом те, кто захочет, останутся здесь навсегда. Дадим им настоящие дома. А сейчас пусть живут в бараках. Обеспечьте доставку воды, еды. Постройте вокруг несколько трактиров. Но без крепкого спиртного! Только пиво – и то слабое. Проверю, узнаю, что торгуют вином, управляющего повешу.

– А вы не совершаете ошибку, господин советник? – осторожно спросил Зоран. – Не лучше ли обеспечить их и вином, и пивом, и всем, что захотят? Пусть только оставляют деньги в наших трактирах – деньги и вернутся. Вот вам и еще источник дохода.

– Он верно говорит, – вмешался молчавший до сих пор казначей. – Деньги вернутся назад. Трактиры-то все наши...

– Нет! – резко сказал Андрей. – Никакого вина! Вы не понимаете, – слегка смягчился он, глядя на недоумевающие лица своих соратников, – вино разрушает людей. Мы больше потеряем, когда те же мастера сопьются, заперют нам детали оружия и оно в самый неподходящий момент откажет. Кстати, Зоран, вечером собери мне механиков. Будем говорить прямо на заводе. Нужны бумага, карандаши, хорошее освещение. Всех механиков и инженеров, что есть, собери. Еще мне нужны корабели. Найти всех, кто занимается постройкой судов, и ко мне. Завтра утром, на десять часов.

Он взглянул на стол, и лицо его смягчилось – часы! Наконец-то часы! Грубые, не очень точные, но настоящие часы. Он так страдал здесь без часов. Время встречи можно было назначить только примерно – плюс-минус полчаса, а то и час. В этом мире никто никуда не торопился... Один из механиков понял, что нужно советнику, и часы были изготовлены в рекордные сроки, всего за неделю. Уровень здешней механики это допускал. Просто до сих пор не было желания сделать что-то подобное. А еще – не было идеи. Вот, например, стремена. Казалось бы – чего уж проще? Ну такая простая штука! Однако изобретение этих штук полностью перевернуло военную тактику и привело к усилению роли всадников в военном деле, превращению их в «танки».

– Исполним, – синхронно кивнули головами Зоран и казначей. Если они и не поняли, то выполняют наверняка. У самодержавия есть свои преимущества. Никто не будет тянуть с выполнением приказа, каким бы глупым он ни казался, – можно и головы лишиться. Увы, в этом случае все зависит от того, насколько умным окажется самодержец. С умным – страна пойдет вперед семимильными шагами. Ну а с глупым... понятно.

– Вот еще что... пусть стряпчие подготовят проект указа. По нему – все винокурение будет только государственным делом. Каждый, кто торгует вином, должен купить лицензию. Все винокурни облагаются налогом в семьдесят процентов с оборота. Если нет желания платить – могут продать казне свои предприятия. Уклоняющиеся от винных налогов будут казнены. И вот еще что – сделайте указ, по которому все, кто уклоняется от налогов, будут подлежать суду и конфискации имущества в размере, тысячекратно превышающем сумму задолженности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.